РОМАН ШАБАНОВ

ФЛАГ

16+

ИСТОРИЯ НЕЛЮБВИ

Роман Шабанов

Флаг

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Шабанов Р. В.

Флаг / Р. В. Шабанов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Молодой человек ищет свою подругу, которая однажды просто исчезла из его жизни.

Содержание

Роман Шабанов	5
Часть 1	6
1	6
2	12
3	16
4	20
5	25
6	28
7	33
6–2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Роман Шабанов
Флаг

Роман

Часть 1

1

Повернулась...

Повернулась. Перетянула одеяло. Сказала «вентилятов». Именно так – вен-ти-ля-тов. Не шепотом, без потери дикции, звонко. Или другое? Маленькая. Жарко. Дышишь или нет? Теряешься. Почему во сне говорит больше? Может, снится, что уже взрослая, сидит за столом, уплетает один кусок кремового торта за другим, запивая шоколадным молоком, тыльной стороной ладони вытирая лоб... «Почему так жавко? Включите вентилятов! Вы же все вавно не ешьте товт».

Будильник пробренчал испанской корридой, призывая меня на бой. Бой – это то, что нужно делать, даже когда не хочется. Не хочется будить. Поэтому зябкие ноги ныряют в бесшумные тапочки из «Икеи» и на кухню, где за ночь все охладело. Ко мне тоже.

Каша для Лапки, для абстракции (моей жены), и для себя. Всегда хочется удивить. Сегодня овсяная с рисом, немного натертого яблока (сахар нельзя). Сам пью чай с мелиссой. «Мой район!» поведал историю про то, как у одного пожилого человека похитили собаку и требовали выкуп (разве важно сколько?). Постепенно кухня принимала тепло. Окно потело, пряча небо, я сомневался, нужно ли сегодня бриться. Люблю, когда еще не проснувшееся лицо не трогаешь. Но когда на тебе щетина, прикасаешься чаще. Причина – массируешь пальцы. Что лучше?

Посуда горкой. Жена после восьми вечера не может ничего делать. Так устроена. Я принял это и ее утренний сон (до восьми-деяти утра тоже вряд ли что-то заставишь). Включаю радио, чтобы только мне было слышно. Поет Элла Ф. «Колыбельную» Гершвина. Сражаюсь с застывшей кашей и маслом от рыбы. Руки плавно скользят по гладкой поверхности тарелок. Чистота. Бокал воды из фильтра. Прислушиваюсь. Сопит. Раковина тоже должна быть идеальной. Таков принцип.

У детей нет никаких правил. Проснуться может сейчас или через два часа. Пусть она легла рано или устала – все будет не так, как ты хочешь. Она как будто знает, что хочу, и делает в точности наоборот.

Умер Дуров. Его сердце сплошь покрыто микроинфарктами. Бывает так, что инфаркт сразу парализует или делает мертвецом. Как разделить жизнь на микро, в чем секрет.

На второй полосе рекомендации к воспитанию детей от двух до трех, куда их повести на выходные и что делать папам, если они остались одни (о, ужас!) со своим чадом. Сворачиваю. Моя лапа уже тянет ручки. Ня-ням. Две каши на плите. Какую предпочтешь? Она хочет все, но сперва на руки и послушать, как проходит проезд. Машем. Уехал. Еще один. Ждем. Пока-пока. Листья еще покрывают лес, и нам достается только шум. Принимаю душ за пять минут до выхода. Думаю, когда же подхвачу воспаление. Пока не удастся. Вопрос в другом – хочется ли... Как говорится, было бы желание.

– Просыпайся, ухожу.

Абстракция просыпается. Идет к планшету. Там погода и количество писем. Там вся ее жизнь.

Мальшкович тянется к домофону. Доставшаяся ей трубка тут же переходит ко мне.

– Сейчас иду, – восклицаю. – Как с погодой? Ответ пространный – «норм». Или вчера – «Холодно». Бывает и «так себе». Выхожу на балкон, открываю окно, ветер на четырнадцатом всегда с завихрениями. Однако, сухо. Слава богу, зонт остается дома.

Малышка радуется со мной – впивается в шею. В результате – след в виде бумеранга. Она еще не знает, что я ухожу часов на десять. После выходных, когда я принадлежал ей целиком и полностью. На что всегда остро реагирует. Затекает крик, когда я стою в подъезде и тыркаю кнопку лифта.

– Научись не афишировать свой уход, – говорит жена (занимается иглометанием), прикрывая дверь.

Спасибо на добром... рых словах. Но ты пойми, что важно – приветствие, когда прихожу, уходя тоже что-нибудь похожее. Хотя бы кивок. Да все равно что. Ну, что-нибудь нужно. Не могу просто. По-английски. Как же не попрощаться. Как будто обиделся и ушел.

Можно доехать на автобусе, но я иду пешком. В первый год жизни на Череповецкой я не знал, что большая часть народа ходит по прямой тропинке. Я выбрал тропинку через лес, дорожный переход, плитка с кленовыми листьями вдоль школы, Абрамцевская, сломанная ива, арка в доме, бегом через дорогу пока нет ничего, зигзаг во дворе, повешенное белье, две арки, пройдя которые загадываешь желание (хочу тройню или не работать, только что-то одно из того), бойлерная (самое темное место ночью), задворки магазина «Виктория» с ароматами пекущегося хлеба, сбербанк, который месяц на ремонте. Я один. Ну, почти. Охрана, стреляющая у школьников сигареты, бабушки-старушки и алкоголики, говорящие со спонсорами через окно. Мне казалось, что только я (ну, почти) иду к метро. Остальные попадают к нему каким-то фантастическим образом. На автобусе, собственном авто, вертолете... Позже узнал, что есть другая дорога, значительно короче и менее вертлявая. Правда, бредя по этой монотонной тропе, в потоке энергичных играющих икрами и плечевыми мышцами людей, не успеваешь никого выделить. Поэтому, зная сейчас этот путь, я все равно выбираю более длинный.

В нем дворник лениво мел улицу. Две девушки в одинаково розовых куртках говорили о нем. Кто ОН? «Привычный», как они сказали или «приторный». Двухголовый поросенок кусает голову шоколадному кроту. У почтамта один белый воротничок утверждал другому, что своим становятся не сразу. Тот послушно кивал и сплевывал дешевый табак.

В метро низкорослый мужчина с ногами колесом неотрывно смотрел на женщину-струну (ее позвоночнику можно было позавидовать). Язык смачивал верхнюю губу. Точно так оголодавший людоед съедает туриста с образованием, чтобы только заполнить желудок и вскоре опорожнить. Смотрел, чтобы утолить голод, потому что не позавтракал или яйца и тосты слишком быстро провалились.

Девушка сильно размахивая рукой, заехала мне в пах. Не заметила. Я достал «Windows of the world» Бегбедера. End не только конец, но и вершина. Заканчивается одно – начинается другое. До Менделеевской не мог повернуть страницу, продолжая думать над спасением. В метро самолет не может попасть. Разве что мощный бур. Или гигантское насекомое.

При выходе стояла женщина с раздутыми икрами, держа в руках темно-желтый пакет «Villa». «Запишите наши координаты. Может пригодиться. Центр глухих». Северный вестибюль закрыли, проход под мостом с южного. Дорога растянулась. Удобно тем, у кого самокаты и велосипеды, только нести на себе... не-е, я и зонт-то лишний раз не возьму.

Под Грига проехал замурзанный Камаз. Если прыгнуть, все произойдет быстро или же повезет просуществовать, вдохнуть минуту, другую. Утром трудно думать о приятном – обязательно вмешаются скабрзные мысли.

ВГИК спит. Завтра первое сентября. Шукшин не может проглотить аршин. Какое состояние пытались передать скульпторы? Гоголь заложил палец... на какой странице? Твардовский что-то пытается сковырнуть... ногой. Только Тарковский спрятал что-то внутри себя и не каждый сможет вытащить это на поверхность.

Открытая дверь отдела кадров. Пару лет назад главная сгорела в машине. Последняя ходила пешком.

Вошел. Когда-то я работал здесь. Что-то писал про жизнь. «Меньшовы покоряют Владивосток». «Соловьевы хотят войны, но и мира тоже». «Выпускники досаждают министра культуры».

Писать про студентов – все равно, что писать про микробы, те, конечно, развиваются и несут в себе литры болезней, но про это уже столько изведено леса и интернет-пространства. Сейчас пишу меньше. Спасибо не говорят, но подразумевается.

– Вы спасете мою жизнь, – смело плачет абитуриентка перед женщиной в серой двойке. Дрожит, дергается, отвратно смотреть долго. В ответ – холод, насмешка и недоступность с колокольни. Последняя – преподаватель? Или просто человек, который может спасти жизнь?

Я поднимаюсь по лестнице. Не потому что мне туда нужно, просто всегда это делаю, а я, как большинство, раб своих привычек. До самого верха, до решетки, и обратно. Здороваются. Я молчу, как будто не вижу и не слышу. Но я вижу и слышу и даже краснею, если приглядеться.

Карпетян дает указания о количестве стульев начальнику по зданию. Карпетян. Он повторяет мою привычку, наблюдает. Я не вижу ничего. Как он косится на меня, как бегают глазки, решаясь что со мной сделать – подойти, на четыре миллиметра кивнуть или не обращать внимания, как на своры студентов, проносащихся с частотой один в три вдоха.

Прохожу коридор с креслами для отдыха. Фикусы и пальмы прячут разводы. Птицы прыгают от одного карниза к другому, таким образом развлекаясь. Парень в рыжих ботинках сгорбил над ноутбуком. Мюнхгаузен – он же плотник Коля с ровно подстриженными усами на манер барона пробегает мимо. Хорошо, когда не замечают, не торопя кровь к сердцу, как можно долгое время. Учебная киностудия. Открыты двери аппаратных.

Катя Лель кричит про свое либидо, а по ТВ вопят про самую гигантскую шарлотку.

Тихо. Идет съемка. В первом павильоне экранизация, втором – ужастик, в третьем – идет строительство. Сейчас – тихо. Мои кроссы, бормотание «Моя дядя кресты лудил» и призраки вчерашнего. Обертка, стаканчик, вмятина.

Грек с бородой-детская лопатка вертя руками, подобно веслам в воде, выскочил из павильона, как расстегай из микроволновки.

– Почему? Ну, почему я все время не могу никого найти?

Вот он я. Нашел. Но он побежал дальше, выругиваясь на жгучей смеси французского с нижегородским.

Суэта. Поэтому я не работаю в таком месте. Мне важны тишина и горячий чайник. Окно. С видом. Никого. Никаких весел, греков и подстриженных усиков. Чтобы весь день только я. А тут шагу не ступишь, как новое лицо. Еще лицо. И еще. Этого не знаешь, этот тоже, тот вроде, но здороваться не обязательно, а вот мимо этого не пройдешь...

Петрович – четверть века работающий здесь то главным художником, то преподом, и, наконец, сокращенный под старость к 68, ставший установщиком декораций. Пока тянет. Выглядит облезло. Ему бы в койку. Начинает без прелюдий про жену, сына и все, что пришло в голову в этот миг.

– Сына на «Максе» был. Он же еще в Италии «Макс» заказал. Я не говорил, что он в Италии полтора месяца жил? В пещере. Нейтрино мерили. Вчера пришел, когда мы с мамкой шкаф двигали.

– Не помогает?

– Не интересно это ему. Анечка после фитнеса его в «Золотой Вавилон» уволокла. У Анечки еще и подруга. Устал. Вещи в угол. Мать ругается, но, что делать, ему так удобно.

В декорационном цеху (откуда Петрович) есть Слава, кодирующий себя раз в полгода, ожидающий настоящей причины, чтобы напиться. Например – так хочется, что не могу. На цокольном есть ужасно хмурый главный инженер. Был у меня препод по труду, мы его Рашпилем звали. Вот такое воплощение трудовика в новом месте.

Я знаю всех, знают ли они меня – вопрос. Даже те, кто со мной разговаривает. Меня вылавливает Андрей из снабжения.

– Катька моя в супермаркете взяла тележку, сама, к поле с баранками, сама... подходит к кассе, протягивает. Сама.

Он в восторге от своей Катьки, от того, как он рассказывает про нее. Смакует каждое слово. Готовый показать каждый зуб в своей улыбке, если бы таковые имелись. Недочет.

Наши дети почти ровесники. С разницей в пару месяцев. Он живет прекрасно – у него гостевой брак с дамой из Переделкино, растопившая ему душу пока сидела с его больной ма. Мама достойно ушла в белый мир, а они не могли не сойтись, даже так по разные стороны баррикад – он на Ботаническом, она – в писательском городке. Он ежедневно гоняет на метро-автобусе, его знают все водители, даже ждущие порой, когда он припозднившийся у своей Катьки, уже не надеется, кроме как на скамейку в парке или вокзал, до которого тоже нужно идти. Почти не спит, но заснуть может в любой позе и месте. Когда с ним разговариваешь, кажется, сейчас падет. Точнее когда разговаривает со мной. С другими, может быть, точно падает.

Обычно я слушаю. Микрофон работающий обратно. Внутрь себя.

– Остался только Сатирикон. Завтра. «Все оттенки голубого». Хочешь? – интонация соответствующая. – Ты послушай дальше. Она ко мне хочет. Я говорю, у меня собаки. И кровать одна. А ей никто не мешает. Наверное, стоит сменить ключи. А то, когда я с ними того, мне кажется, что у меня обязательно ключи стянут. Ни за что не беспокоюсь, но вот ключи...

Я выхожу. Лысый охранник меня знает, поэтому легко, втягивая воздух через зубные щели, пропускает.

Пышные ромашки у входа на траве. Август. От пригласительного отказался. Не хочу на кабы что идти. Лучше дождаться. Иду по самой тихой улице. Серое грубо раскрашенное небо. Точно сделал не менее двух сотен шагов – как один.

Подвал в кирпичном доме на Эйзенштейна. Шершавая черновая лестница, старая массивная дверь и двенадцать квадратов, заваленных коробками с книгами. Половина из них не распечатанные. Руки не дошли, времени не хватило, или время не пришло, а рук не хватило. Пыль, тонкий слой, чайная ложка, кофейник, искрящаяся розетка. Патрик Уайт, «Древо...» и англо-русский словарь на коробочном столике. Словарь склеенный грубо белыми полосками бумаги, в свое время зачитываемый до дыр (я делал вид, что читаю серьезную литературу), а Уайт сперва пришел ко мне в виде экранизации – я спал на ночном показе в «Художественном», где к «Древу» примкнули «Служанка» и «Человек, который изменил все» и только после в виде бумажных страниц. Классика зарубежной, дальней, ближней мысли, оставшиеся от деда. Вещи, которые не должны исчезать из этого мира, и если бы не этот подвал, то они бы скитались, рвались и кромсались, еле дыша, в надежде обрести полку или на худой конец место пыльное, темное, тесное, но безопасное от сырости и поджигателей со спичками.

Выше жилой дом, с окнами и лающими собаками. В нем люди, храпящие и говорящие мерзости по телефону. В нем обои и несчастные коты, обдирающие их. В нем те, которые и не подозревают, кто я. Что им известно? Там внизу где-то должен быть цоколь, в нем трубы и дворники метла прячут. Что знаю я? Этот подвал однажды был заброшен, его нашел мой дед. Тот подвал, который действительно не нуждается ни в документах, ни в чем. Его нет. Он как будто бы и не существует. Я прихожу в место, которое не существует.

Один. Я, моя обитель (книги, коробки-стола, стулья, пыль, несущая в себе тоже родную свойственность), если так можно выразиться. Можно? Да что еще скажешь о месте, в котором тебе безмерно хорошо? Где твое счастье тянется, как самая эластичная резина? Как только хлопает дверь, я кручу старый потемневший от ржавчины замок, и если мне нужно, не слышу ни телефон, ни младенцев с ультразвуком, ни крик пугливой хозяйки пекинеса, окруженная ротвейлером с одной стороны и доберманом с другой. Я здесь один. Но только здесь. Стоит

мне покинуть этот подвал, Эйзенштейна и Ботанический сад, я снова в прежней шкуре. У меня есть семья, и я должен иногда выходить из этой «башни», чтобы идентифицировать себя, принося бумагу с водяными знаками, которая чертовски сильно ценится, по крайней мере, на этой планете. Не значит, что она не нужна, но возводить в культ бумагу... бредовое занятие.

На что же я живу? Эту «бумагу», тем не менее, приходится где-то искать. Летом помогает стипендия из СТД, осенью театр и анонсы в онлайн-издание. Зимой пройдет фест, проедусь в какой-нибудь город на Байкале. Или нет – тогда спасение в виде Натальи с поручениями «сходить туда не зная куда... главное напиши». А так было бы хорошо – озеро, воздух и неделя громкой тишины. Бай-ка-ал! Ты так далек, так недоступен, так прекрасен. Но идти в неизвестном направлении тоже радует, особенно когда мало информации, только место – театр, время и срок. И как-то нам хватает. Сам не знаю, как. Может быть, потому что не думаю, что в кошельке пусто, в кармане дыра, а на голове неприбранные волосы. Моя же постоянно думает об этом и что в результате – мигрени и мысли о разделе имущества.

На столе книги. Никаких телефонов, канцелярщины. Тихо. Окно с видом на проходящие ноги. Туфли, ботинки, кроссовки. Скорость разная. К обеду торопятся на обед, к вечеру домой. Спокойных мало. Застывшие встречаются.

Что я делаю? Пытаюсь поймать тишину. Хочется признаться в любви. Я люблю тебя, тишина. Я думаю о Мари Матье, которая просит прощения у своего любимого за детский каприз. Вижу ее зябкую на Красной площади во время Спасской башни. Она пела в черном платье, как в те 19 в «Журналисте» Герасимова. Думаю о женщине, которая перевернула мир своим голосом. Она могла быть здесь и... упаси господи, не надо петь. Просто посидите со мной. В этой тишине. У меня есть чай и кокосовое печенье. Мари, вы любите печенье? А что любят женщины, как вы? Халву или восточные сладости?

– Я домой, – звоню я жене. – Хлеб нужен?

– Устала ждать, – от нее.

Прощайте ноги, Матье и книги, не меняющие своего положения. Мы скоро увидимся. Завтра. Послезавтра. Всегда, когда захотите.

– Конечно, нужен, – нервно, – и не только хлеб. Масло, молоко и соус к минтаю.

Пришел. Руки тянутся. К пакету с продуктами, ко мне... «Па-ба». Читаю «Мойдодыра» и слышу, как жарится рыба. «Вдруг из маминой из спальни кривоногий и хромой...» Малышка засыпает на руках, уткнувшись в грубый свитер. Я не хочу ее будить.

– Но как же? – нервно-потрясно. – А купать?

Я пытался убедить, что пусть лучше спит, как приятно вот уснуть под книжку в родных руках, я сейчас сам ее переложу, не трогай, я же сказал, не надо, ты меня как будто совсем не слышишь... через минуту включается вода, глазки открываются, чтобы покрыть меня очевидным вопросом: «Почему ты все это допускаешь?»

В одной комнате – два дивана, два стола – собранный из Икеи, второй из Стоплита-журнальный, и вещи, целый бутик. Умещаемся ли мы в этих сорока квадратах? Когда появляется животик, начинаю думать, а не теснее ли стало.

– Теперь ты, – нервно. Иду, пою, «Ложкой снег мешая... Раз морозною зимой... баю-бай...» Не помогает. Смотрит, хлоп-хлоп. Перевозбудилась. Недопереиграла. После дня тишины обычное дело. Включаю свет.

– Не надо включать свет. Не надо, я сказала.

Я спокоен. Жена нет. За день накопилось, передалось, вырвалось.

– Раньше мне казалось учиться глупо. После 22-х доступ к другой вышке закрыт – куда успел, все. А сейчас все учатся. Самая старая старуха и то в «Библиоглобусе» толкается. Поп в свои пятьдесят высшие сценарные заканчивает. Дед пять лет как на пенсии решил сосчитать стоимость своего имущества, а перед этим закончить курсы бухгалтеров. И не дебилы же,

работают после. Прибавку к пенсии. Двадцать лет до часа «п». И что все эти двадцать лет я буду делать? Носить рвань, есть вонь?

Я киваю. Главное, сейчас не спорить. До моего утра три часа. Этого мне должно хватить. Если не буду спорить.

– Не хочется быть старой, – хнычет жена.

Слушаю «Орфей». Засыпаю, когда музыка перестает быть сказкой, и аккорды сливаются в один назойливый шум.

Дочка произносит «мапа». Я улыбаюсь. Понимаю, что это моя первая улыбка за весь день.

2

У моей жены

У моей жены есть седые волосы. Не больше чем у меня, конечно. Свои я сношу напрочь каждые полгода, она же довольствуется только кончиками. Иногда конечно дергает или меня просит, но я отказываюсь – знаю, как она реагирует на каждый мой жест. К положительным еще худо-бедно – равнодушно, к отрицательным и всем остальным – с войной в сердце. Я могу представить, что произойдет, если я все же исполню то, что она хочет, и дерну...

– А-а, да что же ты так сильно-то дергаешь? Вот ты всегда так. Тебя попросить нельзя. Всего-то один волос убрать, а ты мне чуть полголовы не снес. Что, решил отыграться? Я знаю. Дождался, да?

И в ответ тоже дернет, а там не только седые полетят.

Вчера выбирала себе босоножки. Открытые, в которых только если зеленка на деревьях и солнце на последней стадии гриппа. Только уже почти осень, дожди и советы «Держи ноги в верблюжьих носках». Только она может покупать себе летнюю обувь в конце августа. Обычно весной, ну летом в начале, ну в середине (мало ли, какую бумагу можно купить). Но у нее есть своя чертовски убедительная причина – таким образом, она надеется на теплые дни. Словно от ее поведения зависят климатические условия. Как женщины крася волосы, думают, что становятся моложе.

Она наклонилась, и тонкие ниточки совершенно белые. Тридцать пять... Не первой свежести.

Она для меня... абстракция. Так и есть абстракция. Не слишком ласково? А как еще ласково? Язык не поворачивается. Это не потому что я такой циник, я могу и помню, что значит говорить женщине нежности, просто слова рождаются не через пень-колоду, а через контакт, если хотите, визуальный. Которого у нас нет. Уже давно, если хотите. Если бы она гладила мне рубашки, то тепло переходило бы через наутюженный материал, и тогда хоть какой-то контакт. Если бы кашу утром и суп, то тоже... Или слово какое нашлось. А то и подарочек, блокнотик там, живой кофе. А так ей наплевать, поел ли я, как спал, чувствую себя и от чего меня мутит, в общем, холод один... а что осталось? Что-то же должно остаться. Я не претендую на регулярность, но иногда, один раз среди ни одного. Любимый Челентано, «Соли», что мы напевали (в унисон, конечно, не выходило – она читает стихи, а не поет) и, наверное, продолжаем напевать каждый сам по себе (кто-то продолжает читать стихи). «Сюзанна, мон амур». Глаза, молящие, губы просящие, щеки горящие. «Дай мне, дай мне то, что мне не хватает... день-ги. Дашь мне деньги, и я стану другой. Ты почувствуешь разницу. Всем телом. И мне не нужно будет гладить для этого рубашки». Если бы я еще носил рубашки.

С неба капает. Пес с кузнечными ногами обогнал хозяина в костюме цвета хаки. Сегодня он выгуливает пса. Завтра сын в том же костюме только бордо. Они похожи. Морщины не слишком выдаются у старшего, а младший тоже ничем не выдает свою молодцеватость. Иногда я их путаю. Разве что костюмы снимают сомнения.

Серая ветка. Я уже сросся с ней. Трижды жил. Сперва в Бутово, потом на Чертановской, и, наконец, Алтушка. Не планируя. Как-то все само собой. Предложил, приехали, остались. Разве что разница в расстоянии до метро. Да и то несущественная. От 7 до 15 минут. А потом в метро и дай бог, сел и приехал. Если мне нужно совершить переход, то стресс к нему бесплатным приложением. Не люблю переходить. Не понимаю, почему я должен переходить из одного в то же самое, из вагона в вагон, который едет по черни. Да, я приеду, куда мне нужно, но чувство досады останется. Как будто обманули, блин. Заставили шагать, ехать на эскалаторе, слушать рекламу и Андрея Петрова со своим «Автомобилем». Вынудили терпеть натиски торопящихся, сумки-гипшопотамы и старушек, крутящих педали у бешеной лестницы и кри-

чащих «Проходите, возможность такая есть, уважаемые пассажиры». Люди делятся на тех, кто совершает переходы и тех, кто едет по прямой. Переходы некоторых унижают.

– Три пересадки сделала. Ветер из туннелей. Еще форточку пораскрывали. Все такие закаленные, блин. Горло задели. Шарф не помог. Замерзла. Вот дура.

Жена. В ней нельзя спрятаться. Она не подпускает к себе. Такой состав. Есть такие, которые тебя сразу. Располагают, если можно так сказать. Как Настя.

Звоню. Раз-два-три.

– Приве-ет.

– Привет.

– Что с горлом?

– ...Проснулась, – звучит не сразу, а после проверки, а что там действительно с горлом, как будто горло это отдельная часть, живущая по соседству.

Флаг. Открывает шторы с полосками своей выдуманной страны, в окне полосатое солнце и птицы, не такие, какие представляешь себе, когда слышишь... пти-цы. Они более человеческие.

– А, черт. Я проспала. Я должна была... прости, – гудок. И тут нет ничего удивительного. Через пятнадцать минут вздох облегчения, слова: – Все, успела. Теперь нужен кофе. Ба-лин, сахар кончился. Прости, – гудок. Через пять минут: – Порядок. Надо будет бабуле цветок горшочный подарить. А то она меня в третий раз сахарит.

Если отнести ее к определенному подвиду, то она человек... как же, что же... на языке только «Флаг бывает разный, но мне всего милей бело-синий-красный флаг родины моей». Она такая разная (вообще), но любит, когда о ней думают определенно, что она только синий, или белый, или красный. Но чтобы все вместе – нет, это не про нее. Но это только ее предположения. На самом деле... тут все 24 фломастера. Попробуй взять в руки все 24 цвета сразу и одним движением провести линию по стене. Сделать это нужно при полной темноте. Вот примерно так и выглядит ее жизнь.

Если я не медитирую в подвале, не должен быть дома по части мужа или отца, не брожу по вечным улицам в поисках личного местоимения, то сижу с ней в кафе. Чаше в «Райке» («Дети Райка» – кафе на Никитском бульваре, примечание автора). Настя умеет находить время (не смотря на свое небрежное отношение к нему), и точно знает, когда я в ней нуждаюсь. Чаше всего, когда малышка спит. Уже после восьми.

– Мне сегодня показалось, что я ослеп. Иду по городу, а он оказывается другой на ощупь.

Я знал, что нужно сказать какую-нибудь глупость, которая как ведро студеной воды.

– Говорящие по телефону – это все равно, что идти по городу на ощупь.

В кафе было жарко. «Дети Райка». Там где сейчас на фасаде Пушкин с Гончаровой делают селфи. Я заказал безалкогольный мате, она – ананасовый сок и овсяную кашу.

– Я еще не ела сегодня.

Я вспомнил, сколько успел сегодня съесть и выпить – утром каша, три с бутера с маслом, потом кофе с кукурузными палочками, обед (что-то питательное с мясом), чай со снеком, и уже хочется что-то еще. Как же экономично долго спать. Если проспаться завтрак, то не надо готовить ни кашу, ни омлет, обед – суп с котлетами тоже отменяется. А если во время кофетайма ты уснул, рассказывая малышке сказку про Кари и Еса, чтобы тихий час состоялся, то не нужен никакой кофе.

– У них ножка шатается. Еще пара порций и кто-то окажется на полу.

Официант даже не смотрел в нашу сторону, похоже, он вообще был не из тех, кто смотрит за чем-то и хочет быть ответственным, скорее из тех, кто украдкой выпивает и клеит дамские ноги.

– Если кто и упадет, то значит так оно и должно быть. Неизбежность.

– Если в твоей каше окажется кусок стекла, ты воспримешь как неизбежность?

– Да, истеку кровью и спасибо господи, что привел умереть не в «Камчатке», а здесь.

Она ела большой ложкой, и мне казалось, что ей неудобно, что тарелка слишком большая и ложка и даже стол шатается, и ножка раньше наверняка сто лет не качалась, а тут... Каша кончилась, потом возникло красненькое, у меня тоже небелое, а потом и сырная нарезка.

– Ненавижу рокфор.

Выйдя на Никитский бульвар, мы пошли в ногу – незаметно, кто из нас вождь, а кто попугай.

– В домжур? – придумал я.

– Не хочется. Пройдемся до Гоголя. Сегодня дышала мало.

Воздух был действительно аппетитным. Ваниль, что-то сгорело и расцвело. Я глотал его, как шпагоглотатель по самый кончик. Мы прошли до Шолохова. Фонари мрачно желтели на лицах и мордах. Тонущие лошади, их шахматные головы пугали. Огромные глаза, казалось, вылезали наружу и еще немного и скатятся в плохо подсвеченную листву, а бульвар зальет мраморной водой, а лошадиный круп падет прямехонько на наши лица, и разговор возможно оборвется. Я сейчас скажу страшное слово... навсегда.

– Герасим спасая Му-му, утопил трех лошадей, прохулил лодку и напугал двоих, которые сладко откушали в «Детках».

– Не так уж и сладко.

Ей не понравилось.

– Он ел карасей, которые, как и он, тоже не умели думать.

– Это смешно, по-твоему?

– Да. То есть нет. То есть да, в смысле нет, потому что да.

– Есть действительно прикольные памятники, там люди. Например, «Петр» или на Болотной «Грехи».

– Я могу смеяться не только над камнем. Вот идет человек. Он напоминает гриб. Голова сплющена.

– Но это уже совсем не смешно. Он, может быть, болеет чем-то.

– И что? Это не значит, что он перестает быть смешным.

– Есть же какие-то нормы. Над этим смеяться можно, над тем нет. Блин, понятно, что хочется, но мы же не коровы.

– Это как посмотреть. Зачем сдерживать себя, если внутри так и рвется наружу. Тем более, человек-объект наш, обрадуется, я отвечаю, что будет счастлив, не меньше, я говорю про нормального, со здоровой психикой, конечно. Так вот такой нормальный с психикой... скажет: «Вот смеются, не плачут же, вот спасибо, доставил им удовольствие. Надо бы еще что-нибудь смешное для них сделать. Например прихрамывать. На одной ножке прыг-прыг. Или заикаться. Я-я ге-ге-генерал. Они смеются, какое счастье. Значит, я еще могу, даже в таком немощном состоянии веселить».

Я вдыхал, выдыхая то, что успел вдохнуть. Она почти не дышала, по крайней мере, делала это беззвучно.

– Ты совсем не говоришь о жене, ребенке, – неожиданно, конечно. – Хотя бы пару слов ради приличия.

– А что говорить? Все нормально. Растем, варим картошку, выносим на помойку использованные памперсы.

Она посмотрела на меня, как будто подозревала в чем-то.

– Все?

– Да. А в чем дело?

– Ну, там что-то рассказать. Про ляльку твою. Слово может, сказала новое. Жена отредактировала японскую поэму в оригинале... ну что-то.

Напряжение что ли возникло?

– Вентилятор. Это слово. Поэмы не было.

Пауза. Она ждала.

– Вентилятор. Это слово. Поэмы не было.

Услышала, подняла руку. Мы продолжали идти. Храм, Боровицкий мост, Моховая. Машины разлетались в разные стороны.

– Зачем ты мне? – очередная неожиданность. – С Челиной я изучаю английский, с Пашкой в теннис, а ты зачем...?

Я не знаю, что такое обида. Точнее, знаю, но с ней все слова приобретают несколько другой оттенок. Грубое, значит мягкое, красное, значит розовое, зачем ты мне – не значит, что она готова плюнуть мне в лицо и сказать «ауфидерзейн, мистер Шерт». Да, она не знает, зачем я нужен, но, тем не менее, со мной. Ходит в кафе, быстро отвечает и пусть вечно опаздывает, но приходит, не смотря ни на что.

– Наверное, нужен зачем-то.

– Вот и я думаю...

Вечером звонила мама. Она что-то сказала про кого-то, который что-то сделал с кем-то и массу ненужно-непонятных слов, среди цепочки которых четко фигурировало «отдыхать тебе нужно».

Я поцеловал дочурку, и она не ответила мне в этот раз ни улыбкой, ни каким-то маломальским «вентилятором».

3

Соседка расчесывала

Лифт с надписями и рекламой. Шнуруюсь. Не доехали. Десятый. Вошла объемная дама, прошептала «Доброе утро», и повернулась спиной. Букет сирени лез в нос. Через секунду вошел мужчина с пятого и девушка с керамическими вкладышами. Последняя стала расчесывать волосы, делая это удивительно проворно в этой тесноте. Крапивная шампунь, Тафт, равнодушные, смешанное с клубничной жвачкой, вздох с ананасовым ликером... я не здороваюсь. Ни с первой, ни со вторым, ни с третьей. Стараюсь пройти незамеченным. И даже здесь, смотря вниз, мне удастся быть неприветливым. Это не зависит ни от настроения, ни от чего. Это мое поведение, дружное с материнским молоком и не хочу. При выходе из железной клетки живая стена... старик с радиком с бесформенной и трехпородной собакой (шницель, буль и овчарка – соответственно форма, походка и глаза). На улице дворничиха с метлой и назидательным выражением. Тихо «здрасьте», почти его нет, но все же что-то глазами есть. Но главное – пройти мимо, избежать.

Сбилась волна. Ушел из жизни Уэйс Крейвен. Мастер ужаса и выразитель всего «хорошего», что есть на планете. С ним бы я поздоровался. Потная всегда рука теперь вечно холодная. Сливы на тротуаре лежали все выходные. Сорванная слива все равно, что мертвый человек, у которого вырвали сердце или отбили селезенку. Все выходные мертветь под окнами не смолкающего ящика, по которому женщина продала кусок торта 68 летней давности с церемонии бракосочетания королевы. Сможешь ли ты пережить ночь страха? Пережил же. Гагаку – обычная китайская музыка если прокрутить быстрее. Как бы называлась жизнь, если ее прокрутить в два раза. А если в три? Сколько будут портиться сливы, если жизнь прокрутить в четыре раза. А человек. При том, что нервный человек живет от силы лет 40. Десять лет. Дожил до третьего класса и баста. Становись сливой.

Тропинка, лес. Дорожка, магазин. В голове «Танец семи покрывал» Штрауса. Листья лежат. Сыпятся желуди. Боль чувствуется, но не сравнить с тем, что есть увядание. Голубой и оранжевый флаг в доме. Что бы это значило? Магомаев звучит «Свадьбой» из зеленой подозрительной «Волги». Оранжевый спокоен, а голубой нервно дергается, словно мечтает вырваться в космос или помассировать спинку.

Однажды меня огрели... флагом. На какой-то сектантской пирушке. Пели песни. Хлоп, цвет красный с буквами. Тема – Христос отец. Чего пошел? Хотелось не быть со всеми и в то же время с кем-то. Тоже пел, повторял «Открой сердце солнцу ветру...», чувствовал коллектив. Бамс. Усач кило под сто, повернулся, лыбясь, как в зеркало. Не «извините», ничего. Хотелось то чего хотелось, но не получилось, по всей видимости. Однако голова не помнит ни боли, ни одного из ощущений того времени.

Наталья, как обычно, в не очень обычное время. Перед метро, в магазине у кассы, в душе. Через мгновение я в подземке. Но перед этим:

– Есть два варианта.

«Тихий Дон» на восемь часов? В субботу? Что там про первый? Скучный Чехов? Тогда уж... Шолохов. Каменный круп, лодка и его взгляд «Все утопнете. Дело времени».

Впереди тату – крыло ангела, журавля, героя «Догмы», демон с сигаретой ниже, как это сочетается, ангел и демон в одном. Эвакуатор везет другой эвакуатор. На меня смотрит высокая женщина с косой (та, что на голове, состоит из волос). Помогаю хромящему старичку зайти в вагон. Заступая за белую линию, понимаю, как боюсь проходить мимо проезжающего поезда. Меня относит в безопасную сторону. Вижу бога. Не всем везет. Мне повезло.

– Можно с тобой поделиться?

Вряд ли он хочет. Я не хожу в церковь, не ставлю свечки, Библию не читал, содержание-то знаю так примерно. Если и говорить со мной, то только тому демону с крылом, ему есть что сказать. Но тянет поговорить-то именно с ним.

– Давай так, я буду говорить, а ты делай вид, что слушаешь.

Поехали. Он молчит, а я бормочу.

– Моя жизнь, жизнь моя и только моя, Моя, моя...

Конечно, он меня уже через минуту не слушал. Пропал как телефонная связь в тоннеле.

Подвал, город. Я здесь. Нет ни души. Только шестипалый, паутина и моль. Часы торопятся, я не смотрю на них.

Трень-трень. Жена вспомнила. Хочет чего-то. Обмен голосами? Ха-хи. Послание в одну сторону, не хочешь?

– Погуляешь?

Комната отвечает недовольным гулом. Ревниво. Что может быть там, если есть здесь? Разве можно сравнить. Отключи. Внемли тому, что я для тебя приготовила. Тишину. Мысли. Дорогу в бесконечность, по которой хочется идти, не смотря ни на что. Босоножки, кеды с болтающимися шнурками, сапоги с дырочками (как же их?). Болтовня по телефону, друг с другом, так самому себе. «Я правильно все сделал». «Дурак, дурак, дурак!» «Канатоходец, поканатоходец, упавший сканатоходец». Шарк-шарк, гамс-гамс, бимс-ба-бамс.

Знаю, что после тишины может быть шумно. Прошу сделать чай с лимоном. Меня слушают. Приносят в парк термос. Лианозовский парк уже погружался в вечерний покой, когда двое как-то связанные со мной, появились на дорожке.

– Аня сегодня написала. Ей хотелось со мной погулять, я вышла, а у нее Варька спит не по времени. Погода жесть, никого нет, я одна. Пошла в «Фикс прайс», а там ступеньки, крутые, пока поднимала коляску, материла каждый выступ. Подняла-то подняла, а они мне заявляют «У нас с колясками не полагается», я им устроила про «полагается», а потом плюнула. Чурки. Сюзанна, Камиль. Москва же... эх. Когда спускалась, при выходе наехала девушке на ногу. Но я-то не заметила, а она «Могла бы и извиниться». А мне до слез обидно я всегда извиняюсь, если что, неужто я бы не извинилась, забежала и громко ей вслед крикнула «Извините, девушка!». Зачем я это сделала? Отчаяние какое-то нашло. А малышка в этот момент одна на улице. Почти минуту.

Аня, соседка – по форме снеговик, только в очках, мечтает о няне, считает, что сделать из мужа Рокфеллера не так сложно. Про меня она говорила одно «Его я не разглядывала». Я тот, которого не разглядывала Аня.

Мы сели напротив «Cafetorria». Точнее, сел только я. Малышка катала кукольную коляску, жена в три погубели бегала за ней, поучая обходить преграды из электромобилей, самокатов и вразвалку идущих прохожих. В чае с лимоном не хватало сахара. Обязательно что-нибудь забудет. Но жажда меняла отношение к недостаткам в лучшую сторону.

Справа на соседней скамейке сидела пожилая пара – сморщенные, подсохшие, за семьдесят. Они смотрели впереди себя в одну точку, и ни о чем не говорили. Разве что держались за руки – наверное, за годы жизни перебрали не один десяток способов для общения, и это был один из них. Дернулся палец, так она реагирует на его шутку, опустила голову – смутилась. А то и совсем без движения – на подсознательном каком-то неземном уровне. Ко мне подседа девушка. В тонкой розовой куртке кож-зам и джинсах с бесконечными дырами в дань самой нелепой сегодняшней моде. Она обхватила себя как любительница абсента Пикассо. Мурашки атаквали спину и правое плечо. Я снова не мог молчать:

– Вам холодно.

– Вы мне? – губы влажные, дрожь. Не слышу, как стучат зубы, но они стучат. – Холодно?

– Да, вам холодно.

– Неправда, – защита, тело медленно-напряженное.

– Я же вижу.

Легкое волнение, частые повороты головы с одним единственным вздохом.

Чаще я молчу, но когда вижу, что кому-то холодно или ему грозит опасность, то молчать нельзя.

– Мне нормально.

Минута. Мы сидели тихо. Я прислушивался к зубному стуку, а она, судя по дергавшейся ноге, нервничала. Жена доказывала маленькой о том, что лежать на асфальте плохо, но та не поддавалась никаким убеждениям.

– Что? – нервно. Аж подпрыгнула. Некрасивая. Бывают такие девочки-девушки, у которых красота как-то очень глубоко запрятана.

– Ничего. Я просто вижу, что вам...

– Мне холодно и что? – взрыв. – Разве мне не может быть холодно, потому что я так хочу? – смысл «люди, ну почему вы такие тупые... это же элементарно, черт возьми».

– Да, наверное, может, – все же растерянный, чем нет.

– Да, я нервничаю, потому что кому-то делать нечего, вместо того, чтобы молчать и держать эмоции при себе.

– Я просто хотел помочь.

– Не надо мне помогать! Мне это не нужно!

Она была права. Не дам же я ей свой пиджак. Или мог дать. Но жена с укоризной уже смотрела в мою сторону, только ребенка трудно было оторвать от рыбалки с удочками на магнитах.

– Вы бы подвигались, – вырвалось. Зачем? Я же понимал, что воздух вокруг итак наэлектризован. Но, блин, ей же было холодно, не так ли? Невооруженным глазом... она дрожала, зубы стучали, коленки дрожали, она ничего не делала при этом, и, не смотря на все это сопротивление, это был обычный замерзший человек, которому не хочется быть в таком положении, а, следовательно, ее надо согреть (не обязательно самому, убедить, что это нужно), и только тогда равновесие установится. Мне было непонятно, почему человек не может признаться в том, что очевидно. Он будет страдать, помирать даже, но не признается в обратном. Для чего? Скажи «Да, мне холодно». К чему такая необоснованная агрессия? Вовсе необязательно, что я стану искать для нее шубу или обогреватель, но эта правда, что должна быть, она снова подтвердит свое существование. Если каждый будет прятаться под этим «нет», «У меня нет денег на пожертвование», «Я не знаю, где находится Город с кривой башней (на самом деле знаешь, просто думать лень)», правда перестанет иметь место в этом мире. Останется только то, чего нет. – Так вы бы...

– Все!

Она резко вскочила. Я своего добился. Через минуту ей станет тепло. Забытый чай остыл.

– С кем это ты? – недовольно спросила жена. От «обиженной» остался только удаляющийся силуэт размером с ладонь. Я не успел ответить, малышка схватила меня за руку и повела к столикам, где расслабленные после работы мужья пили пиво. Когда до перекрещенных ног оставалось метров пять, мы повернули на цветник и встретились с укоризной и недовольством в одной упряжке.

– Она дрожала, – объяснил я, – ну, я ей сказал об этом. Бывает так, что человек не знает, что с ним и в результате заболевает, а то и того хуже.

– Надо же, какая забота, – процедила же, – Мне бы ты никогда об этом не сказал.

Ну, е...ти.

– Сказал бы.

– Нет.

– Да чего ты начинаешь снова. Конечно, сказал бы.

– Не-ет. Нет, нет.

Между нами – процент разума здесь имеется, конечно. Но жена сама в чем-то виновата – дай шанс, е...ти, померзни, сделай жалкое лицо, но она же никогда не мерзнет, она всегда закутывается в бесформенную одежду, запрятав в нее все самое лучшее, что есть в ней (последнее вышло слишком липко, правда же?). Когда она грипповала в последний раз? Если и так, то прячась, скрывая свой напудренный от простуды нос. Что у нее на пятерку, так это капризы в стиле рокабилли – смотреть на меня с дрожью на губах, то ли с надеждой, что однажды я подарю ей остров с круглосуточной жарой, перевезу тещу, отца, подруг, а сам буду жить в километре на другом и когда очень надо приплывать. Прямо песня на заезженном радио.

– Ты только Насте своей... – фраза без окончания. Иногда оно не нужно.

Она всегда терпимо относилась к нашей дружбе – мол, встречайся с кем угодно, но сегодня что-то случилось. Фурункул прорвался. Брызнул. Уф. Или это случилось давно, просто вырвалось из жены, из всей этой укутанности. Все самое лучшее? Я правда это произнес?

– При чем тут Настя?

– При том, что ты со мной совсем не говоришь. Слов нет? Да сколько угодно, но все выписаны по другому адресу. Копишь для нее?

Я не хотел говорить об этом. Как никогда не стану говорить о первой жене, первом опыте с девушкой, как неожиданно подумал о самоубийстве однажды в тринадцать и попробовал в семнадцать. В этом кроется такая космическая печаль, которая со временем обрастает толстой коркой и мхом, и если скovyрнешь, не дай бог ей пролиться вновь, потому что недопустимо... все это несет за собой непредсказуемые последствия. Снова липко, снова фурункул, снова уф... Что будет, если я переживу вновь смерть друга, или поступление в институт? А год, когда начал ходить или понимание, что обрел в отношениях с первой женой? Не дай то бог снова завязать отношения и ходить за ней по пятам. А потом выносить ее жалеющий взгляд. Тысячи, а то, может быть, и десятки тысяч тем остаются во мне, они тонут, умирают, становятся табу. Но есть темы, которые не умирают, они просто живут параллельно, как мои внутренние органы, которые не видишь, но от этого они не перестают там вертеться, что-то переливать, менять свое положение. Настя – это моя лопатка, мой мозжечок, извилина, да не одна. Если эту извилину потревожить или в лопатку иголку всадить и мозжечок чем-то таким специальным расшевелить, то... что станет со мной – я буду напоминать тротилловую шашку. Взрыв и все – ловите мотыльков в космосе.

Лапка не хотела садиться в коляску и всю обратную дорогу я нес ее на руках. Она думала о предстоящем ужине и, вероятно, перед ее глазами куст напоминал куриную ножку, а пролетающая машина – картошку. Я думал об оставшемся времени – я дойду до дома, спрячусь за столом (15 минут), на лоджии – 45, в туалете (от 20 минут), в темноте – все оставшееся время.

Темнота все не наступала. Плеер долго не находился. Жиль Апап возник, потому что все к этому располагало. В сумерках, когда появляется некоторая растерянность, и ты не принадлежишь самому себе. Он играл сам, не зная что. Мелодия кружилась, заводила в дебри, по неровным дорожкам в тупик, суетилась, кричала, но успокаивалась через два мгновения, улетая вверх и находя альтернативу, что тоже вела к тупику. Я подумал, что, наверное, так и нужно выходит из дома, не зная, куда тебя заведет. Сегодня, выходя из дома, я не знал, что я испытаю все чувства разом – у меня была ненависть, голод, немного отчаянья и желание помочь. За весь день я проэксплуатировал свои чувства по максимуму. Затронул верх, низ, сердце колотилось, полоумно будоражил мозг, прикоснулся к лопатке, мозжечку... Поэтому, наверное, все я делаю правильно. Ничего не застаивается. Продлеваю жизнь, можно сказать. Только некоторые причины меня тормозят. Нет, это липко, это уф...

4

Не отвечает

Не отвечает. Неудобный телефон, кнопки тяжелые... Когда тебе не отвечают, первое мгновение понимаешь – бывает, человек занят, да мало ли, машешь рукой... через минуту – чего он, взъелся на что, пять – становится жаль, что минута прошла зря. Но второй раз за день молчание адское какое-то!? Прогулка в Чистилище Босха и обратно. После первого звона прошли два часа. Два часа! Дважды по шестьдесят, за это время можно проехать всю Москву, написать короткую историю, выпить пару пива, посмотреть фильм, насчитать сотню-другую проходящих, бегущих, стоящих ног. На нее это не похоже.

Я стоял у «Пиццы хат», где удав из галдящих туристов-детей брызгая слюной, сворачивали в манящий «Макдак». Небо решалось на что-то большее нежели серые разводы. В окне столовой «Мосавтотранса» стоял непричесанный хлорофитум.

Предпочитаю говорить (по телефону, с собой любимым, прохожим, продавцом «Бхагават гиты») исключительно в тех местах, где приходится перекрикивать фоновый шум (на подшипниковом заводе?). Хорошо укрыться, влезть в недостижимость, не слышать своего голоса, только удары болванок и баб молота. Только шум, звон, крик, не биение сердца, не внутренние позы, не мысли, рефлексом толкающие на поступки. На вокзале, когда пронесется поезд, в метро, когда с двух сторон один «волк» уже уехал, а второй только подбегает. На шоссе с несущимися Харлеями и Мустангами – только вжик и снова вжик, и ты кричишь, читаешь стихи – «Слышите! Каждый ненужный даже должен жить!», отвечаешь невпопад потерявшимся, размахиваешь руками, потому что когда вокруг хаос можно и руками вертеть и кричать то, что мир оху... что все прогнило в королевстве. Как же здорово наполовину (на треть-четверть, совсем глухо) не слышать, прося повторить, может быть, для того чтобы увеличить время счастья в два, а то и в три раза.

На ВДНХ велорикши со скуки устраивали соревнование на скорость. Открылась книжная ярмарка. В час – Михалков, в три – готовим суши, в пять – Донцова велит не унывать. Сажусь в покоцанный троллейбус, открываю Бегбедера, дочитываю до смерти Дэвида, сына героя, сдерживаюсь, чтобы не заплакать... не удается, слеза крупная, как ртуть скользит по щеке. Сегодня тот день, когда мои глаза на самом что есть мокром месте. Любая глупость может вызвать жалость. Не трогайте меня, дайте пройти. Не надо спрашивать, я ничего не знаю. Иностранец. Иностранец засранец. Да кому я это говорю? Вам же! Вам, е...ти. Может быть, не нужно читать депрессивных книг, ездить в депрессивных видах транспорта. Я о метро, конечно. Сколько раз вы там улыбались, а смеялись так, с бабочками внутри? В троллейбусе тоже Дон Периньон не подают и не соблюдают закон сохранения улыбки.

Длинные гудки, как пропилены в голове. Проспект мира. «Секс и рок-н-ролл» из «Лекса» – «Яйца и кофе сварены круто...». Мало шума. Значит, не спрячешься. «И нас не погубят...» Отвяжись, но мелодия приклеилась «Спасает не любовь, а секс и рок-н-ролл». Алексеевская. «Бургер Кинг» и «Му-му», к коим ведет одна лестница. Последний предлагает обед за 149 – рис с киевской котлетой и компот. Продолжаю звонить, тратя заряд на бессмысленные гудки.

Что с тобой? Почему ты не берешь трубку? Ты потеряла телефон? Допустим, но обычно выбрасывают симки. Ты уехала? Тебя похитили? Должно же быть какое-то объяснение. Уронила в лужу, с моста... что ты делала на мосту... тогда откуда эти гудки. Гудки с булькающим звуком.

Сегодня среда – время, когда мы ходим в кафе. Время, когда никто из нас не имеет право что-либо планировать. Она и я – встречаемся в «Райке», сидим, заказываем кофе по-гречески и если хочется кашу по-английски, говорим, говорим, разгадываем, распутываем, пока в глаза не появляется желание снова запутать, чтобы была причина встретиться снова. Это не значит,

что нам нужна причина, чтобы встретиться, просто с ней как-то спокойно и есть о чем говорить. Это не значит, что нам не о чем говорить... и так далее, ну вы поняли.

И когда привыкаешь к этому распорядку – ты в такой-то точке города в определенный день и час и это неизменно, так должно быть всегда, как Кремль и Зеленый театр, как Ленин в мавзолее, разве может возникнуть: «А что если сегодня кто из нас под машину, упадет что сверху, встретится с неприятным чеком... а-а, этого просто не может быть, потому что быть не может. Нельзя болеть, идти на работу, собеседование, нельзя умирать в этот день (завтра можно попробовать, но не сегодня). Поэтому и ждешь этого события, потому что в нем ты реален, не просто по тексту, а по-настоящему понимаешь, что когда говоришь, не просто звучишь, как сломанный автобус, ты звучишь, зву-звучишь... чишь-чишь. При этом используется вся аксессуария – знания, ум, недюжинные способности. Настя умеет выжимать из меня это. Блин, ну, правда.

Кончилась зарядка на плеере. Манчини отыграл «Лунную реку» из «Завтрака», не достигнув и половины, заморгал «Battery low». Во время. Я спустился в метро – сбежал по эскалатору. У перрона стояла дворняга, норовящая заглянуть в тоннель. Сердобольная девушка отгоняла пса разными способами, явно боясь за возможные последствия. На полу было много песка. Сегодня все уборщики устроили бойкот? Подъехал поезд. Суицидально-любопытный пес поехал с нами, разлегшись в конце вагона, заняв два квадрата. Я примкнул к «Не прислоняться», машинально вытащил «Окна», но не посмел открыть. Вместо этого, долго смотрел на лысеющего парня с деревянными бусами и аляповатой курткой «Сочи-2014». Он читал «Игроманию» и явно был поглощен этим. Ему 35–38, живет с мамой, никто не нужен, только пиво и память на жестком диске.

Двор потемнел. Силуэты, отсутствующие лица и вороватые жесты. Лесопарк, рассеченный тропками, окольцованный железной дорогой. Когда впервые вошел сюда (лет -надцать назад), эта черная до жути и гусиной кожи стена леса пугала меня. Не было историй с маньяками и сбежавшими слонами из зоо, был просто необоснованный страх. Спасибо ему – он без были рисовал свою легенду: небеса обетованные в местном соусе. Первые числа сентября. После дня города. Около десяти вечера. Пройдя от метро, в темноте, сверяя номера домов, петляя, спрашивая и не находя, отчаявшись с мыслями «Вот, занесло. Это что же каждый день так!?!», я оказался в мрачной коробке дома-корабля. Никого, кроме ветра и болтающихся дубов, стреляющие желудями, как засевшие в укрытии снайперы. Парень, напоминающий клерка без году неделя стоял у подъезда. Откуда-то засело, что мне нужен первый корпус (на самом деле второй), спросил «клерка», побежал к первому, не обнаружил там никого, простояв битые пятнадцать минут, вернулся, чтобы услышать «Вы насчет квартиры? А то я собирался уходить». Черта с два он собирался уходить. 90 штук терять. Оплата, предоплата и еще одна оплата. Квартира за полторы суммы – один агент находит ее у другого агента. Все хотят бабла. А я хочу жить с окнами не на помойку и чтобы до метро смог пройти, а не тискаться в автобусе. Он мне и показал квартиру. Ничего так – арки, ламинат, европейские окна и двери. Через час приехал хозяин, этакий пузан, похожий на кондитера. Он бодро бегал по сорока метрам, оставляя указания мне и моей половине. Плитку надо мыть. В ванной оставлять дверь открытой. Это жалюзи. Полоски на стене. Вы сделайте что-нибудь. Честно, пытался, но растворить их мыльной водой не вышло, получив впридачу боль в спине и шее.

Местные до 16-ти на турнике «до десяти» читали рэп. «Тухнет небо, мало хлеба. Много булок. Котлет бы». Они были голодны, горланя брезгливо и жестко, по своим неписанным законам, и котлетами они называли явно что-то немясное и нерыбное, что я тоже отгонял, предполагая, что в этом блюде тоже могло быть что-то депрессивное.

Красный велосипедист застыл у сливового дерева. Мужик с рюкзаком, покрытым значками (Ленин, Че Гевара, много других ля политик) говорил по телефону, захлебываясь слюной.

– Это невозможно. Потому что то, что возможно делается по-другому. А это невозможно.

На этаже соседка под 70 с всегда взлохмаченными волосами и цветастым халатом (сезон пионов?) поливала цветы. Она кивнула на мое «здрасьте» и я вошел.

Как меняется моя походка, когда я захожу в свои пенаты. Медленноходишь в комнату смеха, ужаса, иллюзий, что нормально, но придя домой первые три-четыре шага, как по раскаленным углям (проверка на вшивость – вскрикну, есть что скрывать, запалюсь). Пшшш. И следующие более уверенно, а когда вижу малышку, то мои шаги смешиваются, и там уже не разберешь, кто ведет я или она. Она, конечно, но на первый взгляд, не разберешь.

– Нам нужны деньги, – примерно через час после обязательных процедур от ужина до купания.

Деньги были. И по моим расчетам на пару месяцев должно было хватить. Недавно перечислила Наталья за восемь статей, я продал гитару и старые вещи, что лежали хламом в шкафу с носками и тряпками для полировки мебели. Она знала то, что должно было хватить. Я говорил об этом. Кажется.

– Смотри. Это колготки.

Проплешины в цвете, такие не оденешь на карнавал, если только не праздник «Ретроградыв всех стран, объединяйтесь!»

– Это кофта. Это брюки. Это кошелек. Он пустой.

Я не знал, из чего состоит ее гардероб, сколько у нее боди и банных полотенец, какого цвета. Мне казалось, что этот закулисный мир нижнего белья, тампонов и лаков, не коим образом не должен попадать в поле моего зрения, и если и однажды казал свое я только исключительно в чистом, с примесью секса и дорогого парфюма, виде чтобы внутри все перекатывалось, как под бревнами.

– Это кухня, здесь стоит холодильник, в нем шаром покати-перекаати поле.

Мне хотелось пить, но уйти я не мог. Малышка посапывала и только раз вскрикнула от холода (сбросила одеяльце), но жена настигла меня над кроватью, поправляющего и соскучившегося, шепотом, зловещим с запахом горчицы... а-а, произнесла:

– А еще у нас кончаются памперсы. И мне нужны деньги на Интернет. Долго я буду сорокой-wi-fi-воровкой?

Мне нестерпимо хотелось пить (эта горчица вызвала еще большее желание наравне с расстройством), я не знал, что мне делать. Но решение пришло быстро – плеер успел зарядиться, я воткнул капельки и Синатра огласил мой разум своим ночным одиночеством. Он пил в баре, думал о той, которой нет рядом, говорил с барменом о пустяках всего мира от Юты до Орегона, шел по промозглому городу под утро и останавливался у ее окон, чтобы увидеть, как она проходит на кухню, чтобы выпить кофе. Занавеска топорщится, халат в сторону, она не одна... Перевод был любительским, поэтому что-то в этой истории могло быть иначе. Повторить этот подвиг – сдвинуться с точки, на которой я стоял в сторону ближайшего бара было труднее, чем баритонил Фрэнк, не говоря о трепе, промозглом утре и я у окна Насти... Я что, действительно произнес это имя? Треп, утро, Синатра, но никак не На... нет, почему обязательно На? Жажда, горчичный приступ, жужжание в ушах, все вместе никак не вели в ее сторону. Но мой язык с прилагающейся к нему вторящей направо-налево черепной коробкой знал лучше меня. Просто она та, которую я не видел уже несколько дней, и с каждым днем, часом становится все более недостижимой. Я ей звоню, она молчит, я делаю шаг, грею место в кафе, увеличиваю контрастность, она же растворяется как дешевый кофе в пластиковой чашке. Я создал с ней клуб, паству из двух (ну и что) прихожан, а она чихнула в мою сторону, пропав в этом мире, примкнув к пастве невидимых. Мир состоит исключительно из видимых и невидимых. Это единственно возможное разделение всего человечества. Синатра пел о той, которая в прошлом и не то, чтобы Настя была в прошлом... даже как-то нелепо говорить о ней в прошлом, все равно что о маме, о друге, с которым недавно говорил и вспоминал о самодельном бульбике.

Первая жена точно в прошлом, ее я не увижу и сколько угодно могу вспоминать в прошедшем времени. Лучше ее отдать на заклятие своим рефлексирующим мыслям, мне не жалко того, кто стал невидимым. Потому что я не помню, как она выглядит, разве вспомнишь, как ее целовал и говорил что-то смешное. Как не мог оторваться, когда встречались ежедневно, прячась за колоннами кинотеатра «Родина». Она могла поселиться в мечтах у вечно пребывающего под мухой «художника», но только у того, кто жил в том далеком, безынтересном городе начинающемся на У. Я могу себя назвать художником и с мухами тоже частенько дружил, но этот У отдалился от меня так далеко, его смыло волной, или ураганом, если хотите. И остались только те, кто здесь. А тут... жена, жена, прохожие, снова жена... Нет, лучше уж Флаг.

– Уходишь? Давай, иди к ней.

При чем тут она? Я взял пепси из холодильника и вернулся. Не мог не вернуться. В холодильнике тесно, а то бы я спрятался в банке из-под сардин или пустующей ячейке контейнера для яиц. Я бы хотел стать меньше, стать одним из героев «Лего», которых малышка таскает повсюду и даже берет гулять, заложив в карман. Но я был простым человеком из плоти, не владеющим магией и испытывающий боль, если больно и раздражение, если невыносимо. Я снова стоял перед ней. Теперь я не мог открыть банку – ее душили слезы.

– Никакого просвета. Сплошная безна....

Я знал, что деньги ничего не изменят. Вот они у нее есть – она тратит на няню, сама летает, по бутикам, тренингам совершенства, частит в турагентства, мешая вылазки для отдыха в кипучее состояние «хочу летать, быть кругом, знать, расти, совершенствоваться», и вот она снова рядом в пяти сантиметрах от меня (или лучше сказать, со мной), протягивает руки. Только, в отличие от малышки, по другой причине.

– Надо лампочки вставить, – иду, по дороге открываю банку, шипение, она же холодная, часть темной жидкости на полу. – Ну и с полом что-то сделать.

– Какие лампочки? – в крик. – Очнись! У нас есть ребенок. И эта квартира тоже хочет быть красивой.

Я оглянулся. Здесь было мило – исписанный стол в углу, диван из совка и тот, что из «Икеи», кресло «Пепло» и по ним и между по валяющимся носкам, бодикам и игрушкам днем мельтешит малышка, а ночью папа с мамой на цыпочках.

– У нас есть отложения.

– У тебя есть?... – смеется она в истерике заламывая руки. – Почему я не знаю? Сколько я не знаю?

На этот вопрос не нужно бы отвечать. Потому что, если я говорю, что у меня есть деньги, молчи, возьми их и не смей смотреть в глаза, если это не взгляд, преисполненный благодарности.

Подсчитала, сложила столбиком. Я успел вытереть пол, вставить лампочку и успокоить маленькую, что страшное «бе» в окне не причинит ей никакого вреда.

– Но этого мало, – вердикт. – Ты должен думать о будущем. Что с нами будет через год. А через пять лет?

«Тогда и станем думать» ее бы точно не устроило. Она любила получать ответы тут и сейчас. «Потом поговорим» или «дам тебе ответ завтра» не пройдет. Какой же она в детстве ор устраивала, если, показав на куклу в детском мире, мама (или папа) говорили «нет». Но если на все соглашаться, во что же тогда превратится дом – он будет завален нужно-ненужным хламом, от избавления которого тоже будет потрачена не одна минута жизни, хотя на ненужные вещи больше минуты тратить не хочется.

Малышка повернулась ко мне. Чмоки-чмоки. Хорошо. И жажды, и голода как не бывало. Чтобы стало лучше, нужно чаще поворачиваться друг к другу.

Я слушал Берлиоза. Эпизод из жизни артиста. Вторую часть. Пытался увидеть, что будет через пять лет. Не вышло даже заглянуть в сторону следующей недели. Моцарт сообщил о

доброте турецкого паши через «Похищение». Появилась жена, я вспомнил давнюю встречу однажды в метро с мальчиком, пахнувшим женщиной. Малышка? Вместо нее лицо, вопрошающее «Ты не забыл?» Да не забыл я. Только закрываю глаза, все равно вижу, как будто у меня и век-то нет.

Мне нестерпимо хотелось позвонить. Я пошел в ванную, включил воду, нажал на имя. Гудок, гудок, еще. Все то же самое. Сейчас она лежит, смотрит на вызвания телефона и что-то себе проговаривает, чтобы не дай-то бог взять трубку. «Я не должна. Я не должна!»

– Ты кому-то звонил? – спросит жена сейчас, как лягу. Я не отвечу. Она затаит обиду, и будет напоминать про это при каждом удобном случае. «А помнишь про тот звонок. Чтобы у нее волосы повылезали. Ты мне так и не ответил. Да чтоб она проснулась с потерей памяти. А я же думаю. Ты вот думаешь, что я забыла, а я разве могу забыть. Чтоб у нее в окно петарда влетела. Тебе кажется, что я через раз все запоминаю, а вот и нет. Я про каждый твой шаг, сделанный от меня, знаю. Чтоб у нее крыша поехала буквально и так...»

Только она не спросила.

5

Малышка как будто знала

Малышка как будто знала, что я уйду во второй половине дня, и с утра, уже в 6:30 прилипла. Вечером я взял с первого этажа оставленные «в дар» игрушки – домик с дверками, пазл, балетные костюмы, собачку, которая, по всей видимости, должна была что-то говорить (или петь...), если ее дернешь-поведешь-покаатишь за веревочку и как бывает, когда есть что-то интересное, неисследованное, необыгранное, то не спишь в предвкушении. Маленькая однако же мало-мальски спала, но с утра началось...

Я сделал ройбуш и пусть я его не сильно жаловал из-за ядовито цветочного вкуса, который пришел из самого детства (если есть что-то неприятное, то вот оно), пил урывками. Малышка погрузилась в ноу-хау, время от времени отрывая меня от «Записок на манжетах», которые я начал читать накануне. Умение читать урывками, как и пить чай пришло с появлением малышковской. Книга была сделана в виде блокнота – вытянутая, с закладочной тесьмой. Герой книги употреблял морфий, и ему виделась старуха с вилами. Откуда пришла смерть в виде бабки именно с косой? Это мог быть и старик с топором, ковбой с Кольтом или фриц на Т-4. Мне кажется, что современность не устрашит какой-то пенсионного вида старушечки с лезвием. Тут нужен какой-нибудь гаджет. Бить, как говорится, сегодняшним, а не вчерашним. А потом возмущаются, что наши детки Библию вместо подставки под пиво используют. Перепишите. Сделайте из нее ВЕЩЬ, а потом поговорим.

От такой жизни в глубинке, когда не вздохнуть кроме тошнотворного болезненного воздуха, когда все тебя чтят Айболитом, а ты хочешь единственно спать и выругаться, я, наверное бы, сошел с ума или не сошел, но точно с превращениями... если я ни к чему подобному не пристрастился, значит, все не так уже и плохо «на сегодняшний день». Первые две минуты лафанция, а потом что... Жить из-за двух минут? Пробуя вспомнить вчерашние две минуты, когда мне было так хорошо, что можно было сравнить с приемом морфия... не успел. Она как будто чувствует когда мне хорошо, обязательно вставляет палки в мои быстрые как вихрь колеса. Просыпается, одевает костюм кенгуру, и начинает прыгать по дому по встрече.

Если мы не говорили вечером, то обязательно говорим утром. Мой опыт вождения встречается с ее нахрапистостью.

– Ты хорошо устроился – захотел, пошел. Я тоже так хочу. Знаешь, я даже придумала, что у меня есть сестра-близняшка, и она иногда заменяет меня.

Придумала? Что значит придумала? Она что блин пойдет в центр клонирования семьи и сделает себе копию. А может быть и мою заодно. Внесет некоторые коррективы, чтобы копия была податлива как масло, носила деньги и выносила использованные памперсы. Мне было бы сложнее в двойном размере, но вторая могла быть и на моей стороне. Если я вовремя успею рекрутировать ее.

И чтобы уж наверняка, жена решила поехать со мной. Мол, так труднее только на пятьдесят процентов. А я, думающий, что смогу за час настроиться, сбросить все домашние мысли, переключиться на театр, снова скис. Они поехали дальше до Чеховской, я вышел на Менделеевской, помахав малышке. Она растеряно хлопала глазками, до конца не веря, что я сейчас просто так выйду и пойду сам по себе.

У ЦИМа было людно. Собрались курящие и те, кто не курил, но вдыхающие дым, верящие, что и никотин здесь с духовной начинкой. Девушка с вытянутым лицом указательным проводила по планшету, нашла меня в списке и продекларировала парню, которого я заметил не сразу (мимикрия бархата): «Второй ряд, двадцать второе место». Втиснувшись девятым в лифт, уверенный, что тот завершит от негодования, мы поехали. Странно, но я не услышал никакого запаха – неужели восемь человек забыли про гигиену, но вскоре понял, что дело в

носе, который время от времени закладывает. У кого – в полете, у меня – в метро лифте, в комнате без окон. Тесно, все категории 16+. Стараются не смотреть друг на друга – если прочертить линии от глаз, то вряд ли те станут пересекаться, как лазерная сигнализация в дорогом особняке.

Оставалось пятнадцать минут, два звонка, я заказал американо и «Твикс». Шоколад растекся, точно лежал у горячего (чайник, бутер, сердце). Рядом через стол на венских стульях сидела пара – девушка с оспиной на лице и парень, похожий на Яшку-цыганка из «Неуловимых». Ей было холодно – она вздрагивала, ей богу, я смог заметить гусиную кожу, но спутник как будто не замечал этого, вертя ложкой в тарелке с куском шоколадного торта. Но сделать я ничего не мог, кроме того, как повернуться и сменить объект. Но ничего интересного я не нашел... восковые фигуры, лица, почти не двигались, не дыша и рядом стоящие чашки с бутербродами не для употребления, а скорее для антуража.

«Тихий дон» Шолохов написал в 22 года. Двадцать два. Усики, бессонницы, спишь в одежде, забываешь про время. Голодный до секса, до знаний, мечтаешь перечитать всю мировую литературу, заучить максимум у Бродского, Маяковского и Есенина и при каждом удобном случае вспоминать... говорить только на языке поэзии – это закон. Нет других тем, кроме искусства. Картины, кино, Современник, путешествия вокруг света, на Луну, мечты, попытки суицида. Двадцать и два. Бог ты мой, сколько безумств крылись под волосами, и попыток их совершить. Сколько человек на твоих глазах обрели мечту только на кладбище. И слезы были, но почему была некоторая зависть, как будто они совершали вояж с приятными вытекающими. Смерть – это вояж с приятными вытекающими? Два тома, серьезных, со знанием жизни... способен ли парень на такое? По мне, только молодой и способен. Если бы мне ручку и шепнуть «Ты должен написать... о том, что тебя волнует», да я бы за эту подсказку... в этот вояж... Я бы ничего не пожалел. Главное найти того, кто прошепчет.

Позади первое действие. Кашель, вздохи, чихи и все, что допустимо из физиологии, желание встать, поторопить актеров, крикнуть «Гей-гей!» дольше смотреть сцену у реки, когда девушки полощут белье. Не знаю, отчего меня так зацепила эта сцена. В этом была такая искренность.

– Извините меня, – сказала девушка с оспинкой. Дело в том, что с самого начала спектакля, она сидела беспокойно (то снимала пиджак, то одевала, то просто вертелась), и оказалась сознательной.

– Не стоит, – плечи вверх-вниз, вверх-вниз. – Половина зала чувствовали себя также.

– Нет, спектакль великолепен, все дело в физиологии.

– Согласен, – голова вниз-вверх, вниз-вверх, – лучше сидеть на ступеньках, чем в этих кроватях.

Яшка что-то крикнул. Она снова мерзла. Почему рядом со мной человеку снова некомфортно – он или мерзнет, или вспоминает о том, что у него есть желудок. Или это начало паранойи? Может быть, мне нужен морфий?

Все второе действие я пытался настроиться на спектакль – Степан бил Аксинью, как живописно застывал опрокинутый кувшин с разлитым озерцом молока. Уходящие в борозды земли люди лепили комок на груди. Я даже сжал кулаки, когда раздались аплодисменты и не сразу смог разжать их.

До третьего акта было сорок минут. На Новослободской десяток кафе. Воздух был слаще сахарной ваты. В Макдаке я взял бигмак и латте. Кассир два раза переспросил – он услышал, что я хочу картошку по-деревенски и молочный коктейль... конечно, может быть, он поспорил, что продаст картошку даже если клиент заказал что-то другое. Сел на единственно свободное место рядом с мальчиком лет 13. Он ел роял де люкс параллельно с картошкой фри. Подошла женщина, по всей видимости, его мама.

– Принесла?

– Ты видел там очередь, – оправдывалась она, развесив сумки на спинки стульев, – Из-за пепси стоять?!

– Здесь есть магазины? – спросил он.

– «Перекресток». А что?

– Пить хочу. Зайдем?

– Ты зайдешь. Я постою.

– Почему?

– Не хочу. Я работала здесь.

– Ну и что.

– Не хочу.

После спектакля я бежал по эскалатору и понимал, что мои парализованные от долгой недвижимости ноги могут где-то подвести, я оступлюсь и я полечу вниз, а вслед мне будет доноситься: «Уважаемые пассажиры, будьте предельно осторожны».

Поздно. Где-то 23.07. Лифт. Лениво открывается, скрипит, аромата пива и псины. Надписи про Ленку-неплательщицу из 97-й «Верни деньги, шлю...», «Поймаем, зажем! Не бойся, свое возьмем!» Лицо ханурика маркером в три черты, реклама «Алло, пиццы» на стене, как обои и сквозь шахту лифта «What is love?» группы «Haddaway». Я не стал сдерживаться. Сказалось все – утренние трели, восьмичасовое действо, космические ингредиенты в фаст-фуде... хохотал я, как полоумный. Я слышал, как лифт проносился по этажам, и стоящие на площадке люди затихали, прислушиваясь.

6

Чтобы не растить зверя

– Хочешь кормить злого волка, давай, – говорит мне мама. – Но есть еще такой миленький и пушистый добрый. Не будет лучше, если порция мясного рагу достанется ему.

Я бы рад потчевать доброго зверя, а на злого просто внимания не обращать, пока он не скинет шкуру и не превратится в мечту зоофила. Но что сделать, если злой – твоя семья, вы с ним встречаетесь и вынуждены даже спать вместе. Если его не кормить, то привет мартышкам, что кидаются собственными фекалиями. Не от хорошей жизни, думаю.

Чтобы не растить зверя, я пополнил семейный бюджет, продав часть ненужных вещей. Старый стол, что хотел сбавить жене, но та легко обходилась без одного (отсутствие стола, как собственного места, по-моему, одна из причин ее «серой шкуры»), два старых ноутбука (у одного реально отлетала крышка) и зеркалку (почти новый, исключая две-три царапины). Однажды, в дикой молодости, я хотел снять кино, и купил фотик, думая снять малобюджетный фильм под названием «Ненавижу, но люблю», отправить на фестиваль, получить деньги и жить припеваючи. Жить с припевом, по тем меркам – безотказное бухло, девушки, даже не собственная машина, а возможность поймать среди ночи и сказать «Вези на край Луны, в страны гномов и лесбиянок». И чтобы все это получить – раз в два года заниматься съемками, быть режиссером и всей съемочной группой. Я был молод, и вероятность заработать деньги была настолько реальной, что я практически был уверен, что у меня получится, и не нужно будет резюмировать себя в «Суперджобе» и «Хедхантере», чтобы найти свой хлеб и масло.

Жена временно успокоилась и разве что ежедневно меня донимала своими несуществующими проблемами. На неделе она неожиданно поехала к маме в Новую Москву. На дня три. Там посмотрим. Малышка так грустно смотрела на меня, когда они садились в автобус. Вези на край... земли, луны, марса, чего-нибудь, только не смотри на меня так.

Целых три дня я могу сидеть дома. Входить и выходить из него, когда мне вздумается. Открывать холодильник, хлопнуть дверцей с любым усилием. Без угрызений, что я ничего не делаю, лежать, стоять, ходить, жарить картошку и петь про рок-н-рол, который не цель и даже не средство. Только малышковича все это время не услышу и не увижу, но насколько это меня успокоит, по крайней мере, такая передышка даст возможность прожить еще. Три дня? Хватит, чтобы сделать паузу, настроить сердце, вернуть глубину дыхательной системе... все, для того чтобы жить.

Я проснулся. Плавно перешел из сна в явь. Вполз в тапочки, дополз до кухни, сделал кофе. Вышел на балкон, поздоровался с 82-летним соседом, который никогда со мной не разговаривал, довольствуясь ранее кивком и мычанием. Спросил про его кота Рожика (никогда не понимал, за что он так его) – в ответ нечленораздельное мычание. Вот и поговорили. Сказав «Спасибо, до встречи», подумав, что ближе к зиме наши встречи станут еще более редки, я вернулся к угловому дивану и последним новостям на бумажном носителе. Газете. Шуршание, кофейные пары... благодатно... «Неработающие рецепты красоты в глянце... Энистон вышла замуж... что за вредитель нарисовал велодорожки на Большой Никитской?» Через три-четыре новости, начинает гудеть голова. Принял контрастный душ, не побоялся подольше постоять под холодной водой (если даже и заболел, есть время), выпил холодное пиво (нашлось время и для этого) и вышел (выплыл, согласно сохранению плавности) в город.

Манекены у площади Ильича... тихо, не шумите, это спят притомившиеся от бесконечной свободы бомжи. Тропинка к п-образному хай-теку. «Мы проводим, вам повезло, жизнь прекрасна, а небо бывает зеленым...» Бальзаковская дама, хлопая руками, как при ловле насекомого, поймала одно, меня, в две руки, и повела в ближайший центр тестирования, где проходил опрос по пиву «Козел». Выбор этикетки, муляж-витрина и в подарок тянучки «К 70-

летию Победы!» Сегодня нехороший колючий ветер. Солнце то садилось, то появлялось. У метро солидный дядечка покупал винил с Тухмановым у какого-то хипстера. Парень с красным телефоном кричал «Я тебя не слышу. Ты где? В жопе?»

Пошел град. Я забежал под козырек на остановке. Мимо прошла девушка с листом формата А4, на котором была выведена какая-то информация для кого-то (кого? – все бежали мимо), кто должен бы увидеть и по этой самой инфе узнать ее. Она стояла под самым эпицентром непогоды, жалкая, теряющая вид и цвет, пока этот листок превращался в комок никчемности.

Я заметил, что в последнее время меня мало что трогает. Раньше бывало, самое мизерное общение, буквально в два слова-три что-то уже дает. «Будете выходить?» «Да» или «Нет, я вас пропущу» и все ты заряжен на минут пять точно, пока снова не услышишь: «Вам помочь?» «Спасибо, сынок» – целый час ты полнехонек всего самого необходимого. А теперь – я около часа говорил с этой «охотницей за людьми» и ничего. Когда все дни как один, когда бегаешь от суеты и у тебя в принципе ничего из этого не получается, то оставшись наедине с воздухом, ты не глотаешь кислород, получая удовольствие, а скорее задыхаешься.

– Але, Настя. Здравствуй. Как ты? Давно не слышались. Ты молчишь... – гудки. Еще раз – занято, еще – занято, еще – не берет. Еще – отключен. Отключен. Блин, блин. Хватит, тут дети. У меня дети.

Я стоял у «Райка» и не знал, что делать. Я продолжал массировать кнопки телефона, пытаюсь достучаться. «Как это может называться?» Лень подойти. Ах, этот тот... подождет. Ох, не хочу слушать его бредни. Я не слышала, была в душе. Да мало ли, где я была». Проехала потная тетка на самокате – каждое движение она делала с трудом. Зачем нужен самокат, если делает жизнь труднее. Зачем телефон, если на него не отвечать. Бросив телефон во внутренний карман пиджака, я вошел в кафе, едва не опрокинув стойку с визитками и анонсами городских неформатных мероприятий. Желто-ядовитый цвет внутреннего убранства сейчас подчеркнул мое внутреннее состояние неопределенности. Я сел за столик в углу, заказал пиво и луковых колечек.

Почему она так со мной? Еще недавно мы были очень дружны. Ходили на теннис в Нескучный сад, пили водку в кафе-студии Артемия Лебедева, кричали в спальнях районах Котельников, как мы «любим» всех, бродили до полуночи, обсуждая ее двухголового парня из интеллигентных кругов.

– Ты странный.

– Нет.

– Странный!

– Не-а.

– Если я говорю, что ты странный, значит, ты странный и вообще всем странным людям, кажется, что они нормальны.

– Я нормален.

– У нормальных все по-другому. Они сейчас не здесь и не этим занимаются.

– Где? Чем занимаются?

– Не этим.

– Чем же?

– В кино сидят. Или книгу покупают. Комиксы рисуют. Суп вторую тарелку наливают. Они занимаются нормальными делами.

– Я тоже в кино бываю. И книги едва ли не каждый месяц покупаю. С чего ты решила, что я вторую тарелку супа не захочу?

– В кино ты пропускаешь половину фильма, разглядывая соседа, Книги у тебя тоже не на русском. Скажи мне, кто читает пособие по ловле рыбы, если ты и не собираешься этим

заниматься. Суп ты, конечно, захочешь, только крошишь туда хлеба и сметаны три столовых ложки...

Она любила меня анализировать. Я ненавидел, когда меня распекали перед классом или однажды в Синтоне – на горячем стуле. «Он как растение, которому всегда нужно солнце», «С ним невозможно разговаривать. Он оправдывается». «Он странный, только не как все».

– Сколько тебе?

– За тридцать.

– Почему когда тебе 32, 33, 34, 39, вы все говорите, что вам за тридцать?

– Хорошо, мне еще нет сорока.

Мы были не похожи, но разве должны быть похожи друзья? Есть же что-то одно, что нас собирает в этом месте, заставляет нажимать на требовательное «позвонить» на трубке. Умение слушать или говорить захлебываясь от слюны. Желание не есть одному или вспомнить школу, не прибегая к альбомам и звонку родителям. Есть же вещи, которые как со шведского стола, хоть что-то из всего ассортимента подходит нам обоим. Непременно. Одно кафе, одни темы, хотя нет, в этом у нас полная противоположность... тогда... да ладно, и если даже только кафе объединяет, разве этого мало? Кафе – это целая вселенная для нас. Там мы точно можем забыть или вспомнить. Или еще что-то про кого-то. Про себя, конечно. Мне уже много, позади детство, розовые мысли и желание ходить распахнутым при 30 ниже нуля. Мы как все, и в то же время другие. Как пары, что говорят одновременно, спешащие к метро, летящие по бульвару или думающие, что только им трудно дышать этим воздухом. Мы герои из «Посвящается Стеле», где умирающая девушка ходит хвостом за неудачным художником. Он алкоголик или просто не талант, но факт, что его жизнь бродячая и завтра он не знает, где будет ночевать и на что купить хлеб. Да, я будто умираю, а ты только начинаешь жить. И я тянусь, а ты почему-то тоже. Мы герои из «Назад в будущее». Я путешественник во времени, а она спрашивает «Ты в порядке?», когда я, пережив все три части, наконец, обнимаю ее. Мы герои из «Стартрека», «Побега», «Города грехов»... Мы все и в то же время в корне отличные от того, что нам навязывает зрение.

Я не знал, где она жила. Точнее, знал станцию метро. Марьино. Но где там? Дом, квартира... Был еще один чувак в Выхино, где я как-то был, и он точно мог мне хоть как-то помочь с адресом, но зачем переться в такую даль, когда есть Ксюша?

Ксения работала в ИЖЛТ в библиотеке. Познакомились случайно. Я обратил внимание, что у «Художественного» стоит девушка в вязанном кардигане и зябнет. Я предложил ей куртку, и она, конечно, отказалась (навязчивый незнакомец, чего-то хочет, ну его). Тогда я предложил ей зайти в «Кофеин», но она снова отказалась, ссылаясь на то, что кого-то ждет (в кафе с этой липучкой – побежала). Я смирился с тем, что тот, кого она ждет, сможет дать ей все, что у меня не вышло – тепло, кофе, еще что-то, но этот теплоход все не приходил. Я продолжал стоять, у меня было время, но весенняя погода была не ахти (мокрый снег, лужи, ветер, пронизывающий до косточек) и дрожь передалась в ноги, и движения стали чаще, и я снова не выдержал и подошел. Она согласилась на кофе, хоть и заказала себе горячий шоколад. Я взял какао и целую гору мини-круасанов, как помню. Не помню, сколько прошло времени, чашки пустели, горы таяли, человек передо мной обрастал все новыми подробностями – закончила институт, работала журналистом, получила литературную премию, на эти деньги пожила в Европе и привезла оттуда мужа, от которого родила чадо с редким даром видеть будущее, и наконец осела в родных стенах, где когда-то слушала лекции парня, по которому сохла Настя Ф.

Перешел на Никитский бульвар, дошел до быстрого перехода, перебежал к «Жан-Жаку», обошел вечную стройку, выбрал направление на дом с граффити парня, в корне имеющего то ли «маяк», то ли «чрезмерное я», и через минуты две уже открывал дверь для низкорослых.

В последний раз я приходил сюда на выставку Флаг. Она совершила поездку по подмосковным храмам, сфотографировала церковь с погнутым крестовьем, идущих в храм, летающих ворон над луковками. Декан не был против этой социальной вывески. Тема бога, все дела. Целый год висели эти фотографии, я дважды был здесь, отметив для себя поток идущих в Софринский храм – черно-белые, размазанные (мыльница!), словно покрытые грязью, как животные, как часть дороги, тем не менее люди. Социальное заменили детские рисунки на семейную тему. Среди них выделялся «Мой друг» – мальчик с зелеными волосами и широкой улыбкой.

Ксюша не ожидала меня увидеть.

– Ты? Не может этого быть. Зачем ты здесь?

Что делать – она привыкла сперва договариваться по телефону. Будь то вопрос-консультация «А стоит ли пытаться?!» до признания совсем не телефонного характера. Вы помните, что мне пришлось пережить, чтобы сесть за один стол с ней. На большее я, конечно, не претендовал, но почему-то подумал: вот она съездила в Европу за мужем, а что сделал он, чтобы завоевать ее руку и горячее сердце. Стоял под снегом и дождем? Напоил ее самым вкусным шоколадом.

– Ты давно видела Настю?

– Позавчера с ней разговаривала. Как она? – опередила она меня. – Ничего, живет, стажирется в «Комсомольце». Говорит, что это куда проще, чем вставать по утрам и озираться: «А чего это ничего не происходит?»

На нее это похоже. Вот как она теперь... в газете. Прощай, кризис. Теперь, понятно, миновал кризис, и я на свалку. Об этом я не сказал, но Ксения понимала, зачем я здесь и дала мне возможность просто понимать непонятное.

– У нее другая жизнь. Ты же ее знаешь. Она как будто шкуру поменяла. Одела новую и ходит сейчас в ней, привыкает. А ту, что было до этого, скинула. Ты думаешь только тебе такая «радость» общения достается? Меня, конечно, она в игнор не определила, но мы-то с ней столько лет, я ее в стольких шкурах повидала, даже сама для нее несколько шила.

Эта метафора со шкурами мне не очень понравилась – она все больше погружала Настю в сундук, который на дереве, а дерево... ну вы понимаете.

– Человек по своей сути хамелеон. Если он конечно не в джунглях живет. В городе приходится надевать маски, говорить на разных языках, подстраиваться под ситуацию. Он не может все время ходить в одной и той же леопардовой шкуре – если на улице ничего, то в театре, будь добра, сними, на концерте «Зеппелинов» шико, в собор Петра и Павла просто не пустят.

Леопард ей точно не идет, скорее вязанный костюм или платье с британской клеткой.

– Я все о себе. Ты-то как?

– Растем. Нам почти два.

– На двоих побольше будет.

– Да, но иногда мне кажется, что в чем-то она меня опережает.

– В том, что увидит больше, чем мы. Что у нее все впереди.

А у нас, у меня... Она работает в библиотеке в свои 33, и наверняка довольна. Что ждет меня. Я ищу пропавшую Настю, пока жена с ребенком гостят у тещи, и понимаю, что та никуда не делась – просто пришел момент, так сказать, все дела.

Ксения убежала, мы попрощались, обнялись, раз-два, как будто навсегда. Хотя кто знает. Эти девушки... Я зашел в кафе при институте, спросил баристку, что она посоветует «сочетание – цвет, вкус, свежесть» – та пожала плечами и тихо сказала «кофе, трубочки с кремом», я согласился, заказал и последующие пятнадцать минут в четырех квадратах наблюдал, как девушка смотрит на неработающую кофемашину и трогает нос, как будто что-то в нем искала. Мои руки держали бумажный стаканчик и трубочку, в обратном случае – я бы тоже что-то

ковырял, царапал. Не можешь пристроить куда надо руки – прощай нос, здравствуй неприятности с кожей.

В метро на полу сидели студни, пили пиво. Из полуоткрытой сумки «Фила» торчали три уголка книг. Может быть те самые, что берут книги у Ксении – она им выдает, улыбается, просит вернуть в целости, а они идут в метро и пьют пиво. Потом приходят домой, хлопают дверью своей комнаты и ночью читают то, что взяли. А может быть через несколько дней возвращают или нет, забыв, что обещали.

7

Я лег поздно

Я лег поздно. Слушал передачу про музыку в фильмах Кубрика. Потом, мне захотелось пересмотреть «Одиссею...» и в момент, когда двое на станции с аппетитом поедали цветное содержимое, в желудке заурчало. Приготовил яичницу, порезал зеленый лук, выпил чай со смородиновыми листьями, и уснул открыв книгу Поланика «Колыбельная», застыв на картинке со страдающим младенцем.

Утром созвонились с женой. Малышка просится ко мне. Пришлось идти в парк, где бесплатный wi-fi. Однажды я говорил в кафе – поет «шуби-дуби-лав», а ты пытаешься быть услышанным. Только вчера кончились деньги на интернет. Не потому ли она уехала к маме, что там есть интернет, бесплатная еда. На нее это похоже.

Хорошо утром в парке. Лебеди медитировали, глядя на фонтан. Мне встретилась бабуля в куртке из цветных лоскутков в красно-черных гольфах, девушка с радужным зонтиком. Большая часть поглощает кофе в постель или теснится в кофейне. Не понимаю, как можно пить на ходу.

В подтверждение тому сварил дома кофе и медленно, небольшими глотками, смаковал минут двадцать, созерцая лес, то уходящий в тень, то выходящий из нее.

Прочитал рассказ «Одиночество и город» из давно лежавшего у меня «Альманаха молодых писателей». Босая женщина шла по улицам города, встречаясь то с котом, говорящим на идиш, то с продавцом липучек, то предсказательницей глупостей, что может сделать человек. Решив, что десять минут прошли впустую, потянулся к трубке, чтобы позвонить Насте, но передумал. Все. Хватит. Если ей так угодно исключить меня из своей жизни, если я ей так мешаю, то не буду лезть. Я просто пожелаю ей счастья, удачи с ее бесформенным другом, успехов в работе... какая-то открытка получается. И чтобы наклеить марку и отправить, я удалил телефонный номер, вывел из друзей в контакте и фейсбуке, мелькнуло «Не слишком ты с ней...?», и тут же «Она сама этого хотела». Открыв окна проветрить квартиру, я вышел, чтобы освежиться. Впервые за долгое время решил спуститься пешком по лестнице. Запахи гнили, пива и псины ударили в нос. Лифт – защита от неприятных запахов.

Чехов на велике и женщина с гантелями встретились в лесопарке.

Зашел в «Раек», заказал чайник лимонного чая. Вокруг сидели голодные чавкающие что-то мясное туристы с огромными рюкзаками. Сегодня я тоже хочу себя почувствовать иностранцем – идти куда глаза глядят, пока ноги не перестанут слушаться. Не обращать внимания на то, что кому-то холодно.

Дождь. Опять повезло. Звучал адский канкан Оффенбаха. Через дорогу рекламная растяжка кричала кислотными цветами «Мега. Соберем вашу отличницу». Сегодня она пятерки носит, а завтра на шесте змеей вьется. Прохожие неслись мимо как будто перематывали фильм. Машины создавали вокруг себя водяное кольцо.

Каждый человек создает вокруг себя кольцо, круг комфорта. И этот круг носит. Как улитка дом. У меня есть жена, ребенок, друг, мама, есть моя комнатка.

В кафе забежала девушка отряхиваясь как пес. Она не стала заходить дальше гардероба, застыла у выхода, продолжая избавляться от воды с помощью одноразовых платочков. Она куда-то спешила (посматривала на часы), а дождь изменил планы. И только она собиралась выйти, как хляби небесные разверзлись снова.

– Возьмите мой.

Это был я. Не мог же я остаться равнодушным к зябнущей девушке.

– Нет, что вы.

– Берите.

- А если дождь?
- Мне все равно с дождем не везет.
- Не везет. Вот как. Нет. Я лучше так.

Взять зонт у незнакомого человека, поговорить – редкое явление. Значит, я не внушаю доверия. Что нужно сказать или сделать, чтобы тебе на все сто доверяли.

Только вышел, обнаружил длиннущего кольцевого червя, беспомощно вытянувшегося на асфальте. Проходили люди, девочка пробежала с криками «Мамочка, червяк, бя!», и наконец, проехал самокат разделив тело надвое. Червь на мгновение задергался, потом замер, продолжая существовать в двух измерениях.

На Арбате под целлофаном укрылись копии Модильяни и Ван Гога. Девушка попросила сказать «Я... за ответственное вождение». Сказал. Пошел дальше. Желтый чемодан «На бухло честно. Спасибо». Люди заряжались об стену Цоя. В Плотниковом переулке у ресторана «Рыбка» бородач и две девицы ловко расположившиеся у него на коленях, спорили о том, где лучше остановится «Хотел или друзия». Дом четвертый с пятой дробью – здесь однажды я так напился, сел под своды с музами и смотрел, пока не пришел в себя. Из-за чего я тогда набрался? Ей богу, не помню. Для кого и смысл жизни в том, чтобы напиться. Отец Орфея из пьесы Кокто говорил, что весь день думает о порции картошки и пиве. Чем не смысл жизни, дня – мечта о спрятанном в холодильнике бутылочке темного «Гиннеса», чтобы лечь на диван и шелкая каналы один за другим хмелеть. Официантка мечтает закончить смену как можно с большей вырубкой, таксист мечтает о чудо-клиенте, что будет давать сверху, я хочу... когда привыкаешь к одному образу жизни – утро-каша-ребенок-подвал (или кафе) – дом-снова ребенок. Где-то там втискивается ужины и разговоры. Я не знаю, для чего я сегодня проснулся, что я здесь делаю.

Добравшись до Волхонки, пройдя советскую очередь в музей, я вышел на Боровицкую. На Достоевского забирался неугомонный мальчик в джинсовом комбинезоне. Пышное тело не могло решиться – закончить говорить по телефону и спуститься в подземку либо продолжить. Двор Ленинки – единственное место, где голубей всегда больше чем людей.

Я сел на ступеньки по-студенчески, достал блокнот как-то машинально и стал писать.

«Привет. Знаю, я давал слово не говорить с тобой, но это вроде как и не разговор вовсе, так точно можно. Ты даже не почувствуешь. Нет, все может, конечно – что-то внутри екнет, пронесется вихрем, двадцать пятым кадром мой образ, укутанный тремя шарфами или в увядающем солнце. Но по сути то, что я сейчас делаю, мараю листы, придуманные для тех, кому неймется и успокоение достается только мне. Эгоист. А что если ты тоже как и я где-нибудь в скверике на мокрой скамейке нога на ногу сидишь и пишешь эгоистичное письмо, что полетит в никуда. Застрянет где-нибудь... Между проводами, под колесами машин или велика, запрядется в дупло недавно потерянной пломбы. А так мы вроде общаемся. Тоже, как и раньше сидим, ты меня спрашиваешь о чем-то, я тоже. Тебе интересно, что я сейчас делаю. Я хожу по городу. Ну там, люди, дома, повороты не резкие, магазины открытые. Есть ли смешное? Конечно, есть. Весь город смешнее некуда. Только не каждый может это заметить. Например, как они все ходят. Переваливаются, ползут многие, парочки идут, но все равно что лежат. Как старики, только по другому поводу. Это не очень смешно? Да разве так обязательно ржать до сведения мышц на животе. Нам же хорошо. То есть, ты там, есть, конечно, вероятность, что слова доносятся, телекинез и прочее, но пока я знаю другое, что я один, а ты сейчас с подругой или просто смотришь в окно, как меняется день, но какая разница... мне хорошо, воздух, странного больше, только непривычно. Но это ничего. Даже если мы с тобой никогда не увидимся, то так я все равно когда-нибудь по закону кармы или круговорота слов, что если от сердца то обязательно дойдет. А я от сердца, по-другому не дано».

Девушка с крыльями (тату) спешила в метро под Крейцера. Я тоже спешил. Так бывает, когда точно не знаешь, как двигаться (тебе все равно как), как неуверенному водителю, только

что получившему права, ты пристраиваешься за автобусом или за объектом, чем-то тебе привлекшим. Крылья. Птица, но только в человеческом обличье. Теперь и Настя мне будет являться в разных обличьях, но только не своем природном. Я шел за крыльями, сел в один с ними вагон, наблюдал, как они листали живой журнал и кусали губы, потом вышли в Бибирево, оставив меня одного. Я не последовал за ней – куда бы я пошел? В магазин, потом в подъезд, в квартиру? И за кого я тогда сойду? За серийного убийцу, убивающих девушек в тату? И что меня может ждать там? Надпись в подъезде? Номер телефона? Послание? Не верю.

На полу в луже дождевой воды лежала опрокинутая орхидея. Проветрил квартиру удачно.

Я проглотил бутерброд с яблочным джемом, и лег, рассматривая слой пыли на стенке. Уснул. Спал около трех часов. Приснилась какая-то чушь – проглотил ключ от входной двери и чтобы выйти превращаюсь в стрекозу. Но стрекозы идеальной не вышло, и я совершаю пике. Проснувшись один раз, я заставил себя не вставать и погрузился в ночные бредни еще раз и уже до утра.

6–2

Когда остаешься один

Когда остаешься один, все приостанавливается. Кажется, что и каналы перестают работать, и это чертово колесо на «выставке» тоже застыло. Плачущая Варька под нами тоже как в записи, а не по-настоящему. Должно что-то произойти – извне соприкоснуться со мной. Только что? Никакого намека.

На третий день позвонил друг. Спасибо. Эй, там, наверху! Меня что услышали?

Я только проснулся. Прошаркал на кухню, сделал чай, открыл «Колыбельную» и стал следить за парнем, маниакально уничтожающий африканские потешки с баюльными песнями. Когда моей не было и месяца, я укладывал ее под Окуджаву, распевая «Ах, Арбат...» и «Я дворянин арбатского двора». А еще мне нравилось мычать «Зиму» Вивальди. Последняя более антисонная, однако малышка предпочитала ее больше, нежели великого барда.

Книга не шла, я это понимал, и буквы проскакивали мимо. В последнее время мне попадают не те книги. Я отложил Паланика, залез в горячую ванну, представил, что стану делать, если вдруг буду тонуть, успею ли я постучать в стенку, как телефон проснулся.

Мне не хотелось видеть друга. Он жил в Уфе, занимался бизнесом. Семья, ребенок – в точности как у меня. Однажды мне даже показалось, что он повторяет мой путь, следуя как тень. А я стараюсь убежать от него. От его дружбы. Или от того, что называет дружбой.

У него были проблемы межгалактического масштаба (его вязкие отношения с «Звездными войнами» заставляли его так выражаться), и с чего-то он решил, что решить их можно через меня, направив свой корабль в мою сторону. Друг, дружище, другалек... как же не вовремя-то. Но, решив, что время не наступит никогда, я медлил с категоричным «нет». С женой они уже однажды решили жить отдельно – она у своей матери, он – у своей. По выходным встреча. Приспичит – можно снять номер.

Не взял один раз. Другой. Третий был от жены.

– Там тебе друг звонит, – сказала сама очевидность. – Ты это... ответь.

– Я сам знаю, что мне нужно делать. Отвечать или отправлять куда подальше. Это мой телефон, это мне звонят, в моем пространстве, это мой друг, и не надо...

Конечно, переборщил, но у меня появлялась уверенность, когда я ее не видел.

– Начинается утро в грузинской школе, – сказала она. У нее, по всей видимости, тоже. Перед тем как положить трубку она дала покричать малышке в трубку – та добавочно ее погрызла и судя по шипению послунывила.

Три раза я выходил на улицу – в магазин, выносил три огромных пачки картона на помойку, дошел до рынка, прикупил пару бананов и килограмм торна. Когда я решил выйти в четвертый раз, телефон запел электронную мелодию раннего Баха.

– У меня самолет в десять, – сказал отчаявшийся друг после прелюдий «Ты что в метро был? Занят? Не слышал? Я не вовремя?»

Самолет падает и таранит четырнадцатый этаж. Я здание. Развороченный этаж как раз на уровне сердечной мышцы. Если слишком, то извините – что увидел, то увидел.

– В десять ноль четыре.

Молчание. Все застыло, только немного трещины, дым и не голос словно, а ультразвук.

– Боюсь, с багажом провожусь до половины одиннадцатого.

И первое – фак. Только точно не помню – про себя я это сказал или вслух.

– У меня всего две сумки. Я же ненадолго.

Застилает, застилает. Дым, вспыхнувший компьютер – мой мозг, другой – еще один, сработала сигнализация – пульсация вен, другая – на ногах, наверное... перед глазами его лицо, его бородавки, его тик, его запах изо рта, его медлительность.

Смеется. Что это – способ разрядить обстановку или ему действительно смешно, что он так ловко хочет меня нагрузить?

Конечно, мой ход – жду, как же здорово и т. д. и т. п. Но внутри жжет – как же не вовремя.

– Тебе нужно, – сухо ответил я. Очень просто – мне нет. Мне нужно другое – спокойствие только спокойствие. Но он, конечно, услышит только то, что хочет. Иначе – гостиница и к черту экономия.

– Как лучше доехать? – так осторожно.

– Лучше чтобы я жил возле аэропорта, но честно я всегда брал такси.

– Мы же люди семейные и ты знаешь, что такое вынос мозга с отягчающими. Так вот она мне вынесет мозг, если я потрачу лишнее. Электричка из Домодедово в 11:05. Час в пути. Потом метро. Успеваю на пересадку. Буду у подъезда в часу втором.

Чертовы террористы. Прости. Но все же – террористы же! Нет, я не могу находиться дома, где подвергся этой атаке. На воздух, кислороду в легкие. Кислороду!

«Настя, привет. Что творишь? Спала? Че, прямо так, сидя. Читала книгу, уснула. Понятно. Что за книга? «Пляж» Гарнера? Место? У него уже есть карта, и готов бежать, но решает найти сопровождающих. Уснула не потому, что неинтересно, просто было тепло, выпила горячий кофе с таралеткой, никто не помешал (не позвонил, не позвал)... понятно, понятно. Некоторым боишься звонить – им не нравится, как они звучат по утрам. А тебе все равно. Хрип, как у Шевчука. Мальчики-мажОООры... Ко мне друг приехал...».

В парке Луи по джаз-дорожке (здесь по одной тропке звучит джаз, по другой – ретро) навевает слезы. Хмуро, как ночью. Абрамцевская со спящими водителями, не желающие уступать женщинам в положении. Хриплые птицы поют устало. На «Хонде сивик» – реклама «Чудо-йогурта», за рулем – розовощекий парень с Беломором. Подземка. Один, двое, трое, снова один, много не сосчитать. Пара. Они похожи во всем – черная спортивная одежда, голубые кроссы, разве что у нее чтобы хоть как-то отличаться обесцвеченные волосы. В переходе старушка – «Помогите, пожалуйста, стареньким». Сунул в кока-кольный стаканчик карманную мелочь. Старушка покорно кивнула и облегченно вздохнула (Не зря сижу).

В центре пряталось солнце. Тусклое, как горелая яичница. В Большом Каретном переулке зашел в «Перекресток экспресс», купил клубничную «Фанту». В Малом Каретном присел на огромном камне, не смотря на то, что тот был заброшен пачками и бутылками.

«Его я тоже не так часто вижу. Раз в полгода, а то и год может пройти. С тобой мы тоже можем очень долго не видеться, но при этом друзьями не перестанем считаться. Пришло время проверить? Не знаешь, что сказать? А ничего не говори. Не нужно ничего выдумывать. Родится слово – скажешь, нет – продолжай прятаться. Наверное, так и нужно поступать».

Департамент городского имущества Москвы в среднем Каретном переулке напоминал коридор. Куда я иду – спускаясь, поднимаясь, через переулки, коридоры, камни. Время разбрасывать, сидеть, нет... сидеть на камнях.

Добрался до Эрмитажа. Танцевальные пары рисовались в беседке. «Князь Игорь» в Новой опере. Кафе «Стакан». Бюст Данте в желтых бесформенных гвоздиках, Гюго – в засохших. Гуси-горки. Присел на скамейку. У палатки «Фани. Чай, кофе» топтались четверо подростков, собирающих мелочь в одну общую руку.

«Однажды у меня не хватило. Два кофе и кексы. Прямо ситуация из Зошенко. Оно помято, вы должны заплатить за него. Где? Не надо, у меня есть. И взгляд снисходительный, прощальный естественно. Глупо, но я стараюсь не попадаться в такие ситуации».

Это была сахарная вата. Главный, с кокосом на бейсболке позволял отщипывать понемногу.

На Тверской фигурки у «Макдака» делали йогу. В Козицком переулке прятались авто. В книжном «Москва» я выпил кофе и пролистал комикс Джеффри Брауна «Неуклюжий». Об

отношения парня и девушки, зашедшие в тупик. Книга пестрела от постельных сцен по качеству нарисованных трехлеткой.

Если нарисовать свои отношения – то я вряд ли бы так выделил постельные сцены. У нас все есть, только как будто бы и нет. Ночью, редко, когда уж совсем делать нечего. Когда понимаешь, что вроде как надо.

«Только мы с тобой никогда не говорили об этом. Сколько я тебя знаю, никогда... думаешь, не хотелось. Конечно, от воспитания зависит, как часто мы говорим об этом. Через слово или реже. Но без этого же все равно никуда. Это часть нас, только ты сама по себе, а я тоже. С друзьями обо всем, но у нас есть табу. Это не значит, что от этого наша дружба меньше, в конце концов, у нас всегда есть темы о чем поговорить. У тебя тоже есть ноги, и я однажды подумал, что они длиннее моих. И юбки ты тоже носишь, и блузки с вырезом, и на месте груди тоже есть... что значит что есть, грудь она и есть. Твоя реакция... нетрудно представить. Ты вскидываешь руки... нет, ты долго смотришь, минута, не больше, потом встаешь и уходишь. Я не догоняю, потому что нет смысла тебя догонять. Ты услышала, ты скорпион, а скорпионы они не прощают. Хватит! Вдох-выдох. Поэтому мы не затрагиваем эти темы, я даже боюсь смотреть на нее слишком долго. Но мы друзья, но как-то не принято у мужчин и женщин друзей обсуждать это».

Зашел в «Фикспрайс» в телеграфе, купил блокнот, ручку. Из «Мумий троля» раздавалось «У нее забавы». За белыми столами «Националя» сидела семья арабов, младший представитель лет трех ковырялся в носу, а старший смеялся над чей-то шуткой, нервно похлопывая по столу.

День подходил к концу. Ноги начинали гудеть, и я поспешил к метро. Там я уснул.

За станцию меня разбудила пожилая тетка – знаками показывая, что пора. Я кивнул, хотя мог бы еще поспать. Тетка оказалась говорливой.

– Вот вы можете, а я не могу нигде спать, кроме своей тахты. Ни в кресле удобном, ни в гостях на перинах царских, ни в гостиницах на открахмаленных простынях. Знаете, как нас в Абхазии напугали, сказали, что здесь воруют. А я, блин, смелая. За девушкой поплелась. Она выше меня раза в два с половиной, быстрее в раза три. Я за ней, она смеется. Шляпу, говорит, повешу – так меня и найдете. Пожалела, чтобы я не надорвалась. А мне что? Это нет. С этим порядок. Меня больше другое волнует. На дороге ведь как говорят, доверяй только себе – пойдешь за человеком, а он с переломом черепа. Или сам свою кончину найдешь. Не хочется как-то. Не за этим терпела муки свои пенсионерские – откладывала, недоедала, мучила изжога. Еще такое лицо этот гид сделал «Тут часто так. Поэтому либо иди с оглядкой, либо беги без». Догнала. Всю ночь ее караулила. А вдруг, правда.

«Настенка, надеюсь, тебя не похитили?»

Запах протухшего масла на Новгородской, где двое в темноте (только голоса) выясняли отношения «Да кто ко мне подойдет? Все ссут». Спортивная площадка. Дети. Один висит на турнике, другой бессмысленно бегаёт и орёт. Один из выяснявших: «Жора, картошки принеси». Приносит, сырую. Выгуливают таксу. «Клопович ко мне!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.